

ХАРУКИ

МУРАКАМИ

1Q84

КНИГА 3
ОКТАБРЬ – ДЕКАБРЬ

Тысяча Невестьсот
Восемьдесят Четыре

1Q84. Тысяча Невестьсот Восемьдесят Четыре

Харуки Мураками

**1Q84. Тысяча Невестьсот
Восемьдесят Четыре.
Книга 3. Октябрь–декабрь**

«ЭКСМО»

2010

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

Мураками Х.

1Q84. Тысяча Невестьсот Восемьдесят Четыре. Книга 3. Октябрь–декабрь / Х. Мураками — «Эксмо», 2010 — (1Q84. Тысяча Невестьсот Восемьдесят Четыре)

Главная литературная сенсация нового века, «магнум-опус прославленного мастера» и «обязательное чтение для любого, кто хочет разобраться в японской культуре наших дней», по выражению критиков. Действие книги происходит не столько в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году, сколько в тысяча невестьсот восемьдесят четвертом, в мире, где некоторые видят на небе две луны, где ключом к вечной любви служит Симфониетта Яначека, где полицейских после всколыхнувшей всю страну перестрелки с сектантами перевооружили автоматическими пистолетами взамен револьверов, где LittlePeople – Маленький Народец – выходят изо рта мертвой козы и плетут Воздушный Кокон.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Мураками Х., 2010
© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	44
Глава 7	55
Глава 8	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Харуки Мураками
1Q84. Тысяча Невестьсот Восемьдесят
Четыре. Книга 3. Октябрь – декабрь

© Haruki Murakami 2010

© Коваленин Д., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

УСИКАВА

На изнанке подсознания

– Не изволите ли воздержаться от курения, господин Усикава? – произнес тот, кто пониже.

Усикава воззрился на незваного гостя. Затем перевел взгляд на «Севен старз» у себя в пальцах. Сигарета не горела.

– Уж не взыщите, – с ледяной учтивостью добавил посетитель.

На лице Усикавы проступило почти искреннее удивление – и откуда эта сигарета взялась у него в руке?

– Да-да, конечно! – якобы спохватился он. – И в самом деле, чего это я? Все равно ведь не закурил бы. А пальцы так и тянутся, будь они неладны...

Собеседник едва заметно кивнул. Но его взгляд, пригвоздивший Усикаву к креслу, не дрогнул ни на секунду. Усикава вернул сигарету в пачку и спрятал в ящик стола.

Второй визитер – на голову выше первого, волосы убраны в хвост на затылке – подпирал дверной косяк и сверлил Усикаву таким взглядом, будто рассматривал грязное пятно на стене. Черт бы их побрал, мелькнуло в голове Усикавы. Эта парочка явилась сюда уже в третий раз и, как и прежде, очень сильно его напрягала.

В тесном кабинете Усикавы был всего один стол, а перед ним стояло кресло, в котором теперь развалился бритоголовый мужчина, похожий на бонзу. Как и раньше, говорил только он. Хвостатый же с начала и до конца визита молчал как рыба. Словно грозная *кома-ину* у входа в храм¹, он оставался абсолютно недвижим, и только взгляд его не отрывался от лица Усикавы ни на секунду.

– Прошло три недели, – сказал бритоголовый.

Усикава взял со стола календарь, прочел свои пометки и энергично закивал.

– Совершенно верно! В прошлый раз вы приходили ровно три недели назад.

– С тех пор от вас не поступило ни одного сообщения. А ведь мы предупреждали: счет идет буквально на часы. Лишнего времени у нас нет, господин Усикава.

– О да, разумеется! – Усикава схватил золотую зажигалку и затеревил ее в пальцах вместо сигареты. – Мешкать никак нельзя. Прекрасно вас понимаю...

Ни слова не говоря, Бонза ждал продолжения. И Усикава продолжил:

– Просто, видите ли, очень не хочется беспокоить вас по мелочам. Немножко о том, немножко о сем – я так не работаю. Вот когда накопится критическая масса информации, чтобы соединить все причины со следствиями и проанализировать явление в целом, – будет совсем другой разговор. Уверяю вас, жареные факты, надерганные как попало, могут сильно вас дезориентировать. Извините, если покажусь вам слишком самоуверенным, господин Онда, но таков уж мой стиль работы. Профессиональный почерк, если угодно.

Бритоголовый Онда смотрел на Усикаву ледяными глазами. Усикава знал, что этот человек не любит его, хотя и не видел здесь особой трагедии. Сколько Усикава себя помнил, с малых лет его никто не любил – ни родители, ни братья, ни школьные учителя, ни жена, ни родные дети, – и это для него было нормой. Вот если бы кто-нибудь вдруг проникся к нему симпатией – да, это просто из ряда вон. Но к очередной неприязни он относился спокойно.

¹ *Кома-ину* (яп.) – персонаж китайской мифологии, собака с головой льва, чьи статуи (попарно – одна с открытым ртом, другая с закрытым) охраняют ворота синтоистских святилищ от злых духов. – Здесь и далее прим. переводчика.

– Ваш профессиональный почерк, господин Усикава, мы стараемся уважать. И, как видите, до сих пор уважали. Буквально до последнего времени. Однако теперь ситуация изменилась, и разговор пойдет иначе. Очень жаль, но больше мы не можем ждать, пока у вас что-нибудь накопится.

– Насколько я понимаю, господин Онда, – сказал Усикава, – вы ведь тоже не сидели сложа руки и со своей стороны пытались предпринять какие-то шаги. Или я не прав?

Онда ничего не ответил. Губы его напоминали тонкую горизонтальную линию, а на лице не дрогнуло ни мускула. Однако Усикава догадался, что попал своей репликой точно в цель. За прошедшие три недели секта делала все, чтобы найти пропавшую женщину своими методами. Но безрезультатно. Почему эта чертова парочка и появилась сюда в очередной раз.

– У змеи нет ног, – глядя на свои ладони, проговорил Усикава. Таким тоном, словно был рад поделиться неслыханной тайной. – Поэтому она ползает на брюхе. Не стану скрывать, я – змея. Пускай внешне и не похож, зато нюх – змеиный. Тончайшие запахи, которые даже собака не различит, чую за километр. Но охотиться умею только по-змеиному. И хотя прекрасно понимаю, что времени в обрез, прошу потерпеть еще немного. В противном случае мы рискуем, образно говоря, и яиц не дожидаться, и курицу потерять.

Несколько секунд Онда терпеливо наблюдал, как зажигалка пляшет в пальцах Усикавы. Затем посмотрел ему прямо в глаза.

– Но, может, вы хотя бы расскажете о том, что уже выяснили? Я понимаю ваши аргументы, но, если мы вернемся вообще без результатов – *там, наверху*, нас не поймут. У нас слишком неустойчивая позиция. Да и ваше положение, господин Усикава, может в любой момент пошатнуться.

А ведь у этой парочки тоже земля горит под ногами, понял Усикава. За особые успехи в боевых искусствах именно их отобрали из сотен им подобных и назначили телохранителями самого Лидера. Но в итоге Лидер убит буквально у них под носом. Впрочем, прямых доказательств насильственной смерти нет. Как только труп привезли в штаб-квартиру «Авангарда», его сразу осмотрели несколько врачей, но даже царапин не нашли. Хотя, конечно, оборудование там совсем примитивное – да и время поджимало. Проведи они официальное вскрытие в морге – глядишь, и нашли бы какие-нибудь улики. Да только теперь уже поздно. Тело Лидера уничтожили на территории секты в глубочайшей тайне.

Но так или иначе, уберечь своего гуру эти двое верзил не сумели, и положение их стало действительно зыбче некуда. Теперь им велено отыскать пропавшую массажистку. Чего бы это ни стоило. Перевернуть всю Японию, если потребуется. Однако выйти на конкретный след им пока не удалось. Работа этих парней – обеспечивать безопасность важных персон. Но умения находить того, кто скрывается, в их мозг не заложено.

– Ну хорошо, – вздохнул Усикава. – Я расскажу вам, что раскопал на сегодня. Это, конечно, далеко не полная картина, но кое-какие выводы сделать можно.

Онда, прищурившись, выдержал паузу. Затем кивнул:

– Очень обяжете. Нам ведь тоже удалось кое-что разузнать. Возможно, вам это уже известно, а возможно, и нет. В любом случае, предлагаю обмен информацией.

Усикава отложил зажигалку и сцепил пальцы на столе:

– Итак, молодую женщину по фамилии Аомамэ вызвали в номер люкс гостиницы «Окура», чтобы сделать Лидеру полную растяжку мышц. Случилось это в начале сентября, поздно вечером, когда центральный Токио накрыла сильная гроза. Оставшись с клиентом в отдельной комнате, эта женщина проработала ровно час, после чего ушла. А перед уходом сообщила, что Лидер заснул, и порекомендовала оставить его в покое еще на пару часов. Что вы и сделали. Вот только на самом деле Лидер не спал. К моменту ее ухода он был уже мертв. На его теле не обнаружено ни малейших царапин. По всем внешним признакам – обычный сердечный приступ. Однако сразу после этого массажистка точно в воду канула. Из квартиры

выехала заранее – сейчас там абсолютная пустота. Спортклуб, в котором она работала, уже на следующий день получил конверт с ее заявлением об уходе. Все указывает на то, что эта женщина действовала по тщательно продуманному сценарию. А значит, на банальный несчастный случай смерть Лидера уже не спишешь. Вывод напрашивается сам собой: это четко спланированное убийство.

Онда кивнул. Пока никаких вопросов с его стороны не возникло.

– Ваша задача – выяснить, что же случилось на самом деле, – продолжал Усикава. – А для этого необходимо заполучить массажистку живьем.

– Если это действительно убийство, – Онда снова кивнул, – мы должны знать, кому оно понадобилось и зачем.

Усикава устался на свои пальцы – так, будто увидел нечто диковинное. И чуть погодя перевел взгляд на собеседника.

– Насколько я догадываюсь, семейные связи госпожи Аомамэ вы уже проверили, верно? Вся ее семья – истые сектанты-«очевидцы». Родители до сих пор живы-здоровы, миссионерствуют. Старшему брату тридцать четыре, служит в головной конторе «очевидцев» на Одаваре², женат, двое детей. Супруга – такая же преданная сектантка. Из всей родни только Аомамэ отступила от веры – и ее, конечно же, изгнали из отчего дома. Контакт с семьей она не поддерживает вот уже двадцать лет. Так что версия о том, что женщина могла бы скрываться у родственников, крайне маловероятна. В одиннадцать лет она ушла из дома и пробивалась по жизни в одиночку. Поначалу девочку приютил ее дядя, но уже со старших классов школы проблему крыши над головой она решала самостоятельно. Крепкий орешек, женщина с очень сильной волей.

Онда молчал. Может, эту информацию он уже выведал сам?

– Версия о причастности «очевидцев» отпадает, – добавил Усикава. – Секта – упертые пацифисты, постоянно твердят о непротivлении злу насилием. К убийству Лидера они отношения иметь никак не могут. Надеюсь, по этой позиции мы с вами сходимся?

Онда кивнул:

– «Очевидцы» тут ни при чем. Это мы понимаем. *На всякий случай* поговорили с ее братом. Он ничего не знает.

– И заодно *на всякий случай* вырвали ему ногти?

Онда словно ничего не услышал.

– Разумеется, это всего лишь шутка! – Усикава натянуто хихикнул. – Неудачная шутка, не делайте такое страшное лицо. В любом случае, старший брат госпожи Аомамэ понятия не имеет, где ее искать. Сам я насилия не люблю, и этот факт выяснил исключительно мирным способом. Сегодня госпожа Аомамэ ни со своей семьей, ни с «очевидцами» никак не связана. Однако это вовсе не значит, что она действовала сама по себе. Как ни крути, в одиночку такой хитроумный план не придумать и не осуществить. Порядок действий проработан гениально, до мелочей, и она хладнокровно выполняла его шаг за шагом. От преследования скрылась с поразительным мастерством. Чтобы так мастерски ее спрятать, кто-то наверняка потратил большие силы и серьезные деньги. Какая-то личность или организация, которой смерть Лидера была зачем-то очень нужна. Вот почему план для Аомамэ разрабатывали настолько скрупулезно. Надеюсь, и здесь наши выводы совпадают?

– В основном – да.

– Однако что это за человек или организация, мы не имеем ни малейшего представления, – продолжил Усикава. – Полагаю, круг друзей и знакомых госпожи Аомамэ вы тоже изучили?

Онда молча кивнул.

² Одава́ра – административный район и крупная станция метро в центральном Токио.

– Значит, вы в курсе, что она не поддерживает близких отношений вообще ни с кем. Ни друг, ни любовников у нее, похоже, нет. С коллегами и клиентами приветлива, но за пределами спортклуба ни с кем не общается. По крайней мере, лично я не нашел доказательств ее дружбы с кем бы то ни было. А ведь молодая, здоровая, привлекательная женщина. Невольно задашься вопросом: в чем тут дело?

Сказав так, Усикава перевел взгляд на Хвостатого. Тот по-прежнему подпирает косяк, и выражение на лице его не менялось. Точнее, отсутствовало изначально – а значит, и меняться было нечему. Интересно, есть ли у него имя, подумал Усикава. Не удивлюсь, если нет.

– Кроме вас двоих, никто не видел госпожу Аомамэ в лицо, – добавил он. – Ну и что вы можете сказать? Заметили в ней что-нибудь *эдакое*?

Онда едва заметно покачал головой:

– Как вы и сказали, она – женщина по-своему привлекательная. Хотя и не из тех красавиц, что притягивают всеобщее внимание. Тихая, спокойная. Держится уверенно – похоже, и правда мастер своего дела. Но на этом – все; ничем особенным не отличается. Внешнее впечатление от нее на удивление размытое, даже черт лица толком описать никто не может.

Усикава опять взглянул на Хвостатого – может, захочет что-нибудь добавить? Но тот лишь опирался на косяк и никакого желания общаться не выказывал.

Тогда Усикава снова обратился к бритоголовому:

– Вы, конечно, проверили статистику ее телефонных звонков за последние месяцы?

Онда покачал головой:

– До этого руки пока не дошли.

– Рекомендую. Оч-чень интересный вид информации! – По губам Усикавы пробежала снисходительная улыбка. – Люди все время кому-нибудь звонят, и кто-нибудь то и дело им тоже звонит. По выпискам данных об этих разговорах можно ясно увидеть, какой образ жизни ведет тот или иной абонент. И госпожа Аомамэ в этом смысле – не исключение. Конечно, заполучить чужие выписки в личное распоряжение непросто, но, если постараться, ничего невозможного нет. Как я уже говорил, раз у змеи нет ног, ей приходится ползать...

Ни слова не говоря, Онда ждал продолжения.

– Так вот, – продолжил Усикава. – Изучив, с кем госпожа Аомамэ контактировала в последнее время, я выяснил несколько любопытных фактов. В отличие от большинства женщин, по телефону болтать она не любит. Как исходящих, так и входящих звонков совсем немного, и почти все – на удивление короткие. Долгие тоже встречаются, но крайне редко, в основном по работе. Хотя половину клиентов она обслуживала на выездах и общалась с ними не через клуб, а напрямую, по частным вызовам. Именно таких звонков – большинство, но лично у меня подозрения не вызвал никто...

Усикава выдержал паузу и, разглядывая желтые от никотина пальцы, подумал о сигарете. Мысленно закурил, с наслаждением затянулся – и выпустил струйку дыма.

– Никто – за исключением двух номеров. Во-первых, она дважды звонила в полицию. Только не в службу «110», а в Отдел дорожной безопасности полицейского департамента Синдзюку. С этого же номера и ей звонили несколько раз. Машину она не водит, а массажисток из элитных спортклубов полиция не заказывает никогда. Так что это, скорее всего, – какой-то личный контакт. С кем – неизвестно. Второй загадочный собеседник вроде бы никак не связан с первым. Номер не определился, но именно с него звонили несколько раз и подолгу. Сама она никогда этот номер не набирала. Как я ни бился, вычислить точную комбинацию цифр не удалось. Возможно, она сама захотела, чтобы номер не определялся. Но даже такие номера вывести вполне реально, если как следует постараться. Однако хозяина *этого* номера я вычислить так и не смог. Все подходы словно заперты на сверхсекретные замки. Обычным людям такой уровень секретности недоступен.

– Вы хотите сказать, владелец номера – человек необычный?

– О, да. Могу спорить, это профессионал.

– Еще одна змея? – бесстрастно уточнил Онда.

Усикава погладил плешь и жизнерадостно осклабился:

– Совершенно верно! Еще одна змея. Причем весьма ядовитая.

– Значит, можно по крайней мере утверждать, что за этой женщиной стоит некая организация? – попытожил Онда.

– Безусловно. И заправляют этой организацией далеко не дилетанты.

Довольно долго Онда задумчиво наблюдал за Усикавой из-под полуприкрытых век. Затем обернулся и посмотрел на Хвостатого. Тот едва заметно кивнул: дескать, все ясно. Тогда Онда снова обратился к Усикаве.

– Что-нибудь еще? – спросил он.

– А что еще? – Усикава пожал плечами. – Теперь моя очередь вас послушать. Может, у вас есть кто-нибудь на примете? Какое-то лицо или группа лиц, которым было выгодно отправить Лидера на тот свет?

Брови Онды сдвинулись, и над переносицей прорезалось три глубоких морщины.

– Помилуйте, господин Усикава. Подумайте сами: мы – обычная религиозная организация. Вместе с прихожанами ищем пути для обретения душевного покоя и постижения нравственных ценностей. Живем в единении с природой. Каждый божий день совмещаем земледелие с духовной практикой. Кому придет в голову воспринимать нас как врага? И какую выгоду можно извлечь, доставляя нам неприятности?

По губам Усикавы вновь пробежала улыбка. Какую эмоцию она выражала, понять было сложно.

– В любом мире существуют свои безумные фанатики. А что может прийти в голову фанатикам, не знает никто. Или с этим вы не согласны?

– Как бы там ни было, *у нас на примете* никого подозрительного нет, – бесстрастно ответил Онда, будто и не заметив иронии в словах собеседника.

– А как насчет «Утренней зари»? Разве те, кто все-таки выжил, больше никак себя не проявляют?

Онда решительно покачал головой – нет, это исключено. По его лицу было ясно: «Утренняя заря» раздавлена окончательно и бесповоротно. И в живых, надо полагать, уже никого не осталось.

– Замечательно, *у вас на примете* никого нет. Только вот незадача: некая организация лишила жизни вашего Лидера. Очень продуманно и профессионально. Он растворился, как дым в небесах. И это – факт, от которого не отвертеться.

– Вот мы и должны понять, кому это понадобилось.

– При этом не связываясь с полицией, верно?

Онда кивнул:

– Это наша проблема, Закон тут ни при чем.

– Хорошо, – сказал Усикава. – Это ваша проблема, Закон ни при чем. Разговор предельно ясен, дальнейших объяснений не требуется. Тогда позвольте уточнить еще кое-что.

– Уточняйте.

– Сколько человек знает о смерти Лидера?

– Во-первых, мы оба, – ответил Онда. – Плюс два помощника, перевозившие труп. Разумеется, все пятеро членов Высшего Совета секты. Итого – девять. Три девочки-жрицы пока ничего не знают, но рассказать им придется скоро. Все-таки они жили с ним, долго скрывать не получится. Ну, и наконец – вы, господин Усикава.

– Значит, всего – тринадцать?

Онда ничего не ответил.

Усикава глубоко вздохнул.

– Хотите услышать мое искреннее мнение?

– Разумеется.

– Сейчас, конечно, уже поздно что-либо менять. Но как только вы узнали, что Лидер мертв, вам следовало немедленно обратиться в полицию. И сделать так, чтобы о его смерти узнали все. До скончания века скрывать этот факт все равно не получится. Тайна, о которой знает аж тринадцать человек, – считайте, уже не тайна. Очень скоро вы можете оказаться в безвыходном положении.

Лицо Онды осталось совершенно бесстрастным.

– Решения принимаем не мы, – ответил он. – Наша работа – выполнять приказы.

– И кто же у вас принимает решения?

Онда ничего не ответил.

– Какой-то зам Лидера?

Молчание.

– Ну, хорошо, – сказал Усикава. – По приказу сверху вы тайно уничтожили тело. В вашей организации приказы начальства не обсуждаются. Однако с точки зрения Закона подобные действия называются «сокрытием трупа», считаются тяжким уголовным преступлением и караются очень сурово. Надеюсь, это вы понимаете?

Онда кивнул.

Усикава снова перевел дух.

– Если полиция, не дай бог, начнет расследование, прошу вас помнить: лично мне о смерти Лидера ничего не известно. Попадать под уголовную статью мне совершенно не улыбается.

– Официально о смерти Лидера вам ничего не сообщалось, – произнес Онда. – Вас мы наняли как внештатного сотрудника для розыска женщины по фамилии Аомамэ. Нас с вами связывает только это. Ничего противозаконного.

– Вот и хорошо. Вы ничего не говорили, я ничего не слышал.

– О том, что Лидер убит, мы не хотели сообщать никому за пределами секты. Но поскольку проверку подноготной Аомамэ выполняли именно вы, господин Усикава, – вам, как говорится, и карты в руки. Теперь нам нужна ваша помощь, чтобы ее найти. Разумеется, если при этом вы согласны держать рот на замке.

– Конфиденциальность – главный принцип моей работы. Не извольте беспокоиться: я буду нем как могила.

– Если эта информация просочится во внешний мир по вашей вине, с вами начнут происходить весьма неприятные случайности.

Усикава посмотрел на свои пальцы, сцепленные на столе. Так удивленно, будто сомневался, его ли это руки.

– Весьма неприятные случайности... – повторил он, снова посмотрев на собеседника.

Онда слегка прищурился.

– Тайну о смерти Лидера необходимо сохранять любой ценой. И если придется – *любыми* средствами.

– Хранить чужие тайны я умею, – в очередной раз заверил Усикава. – Вам совершенно не о чем волноваться. Я уже не раз выполнял ваши поручения в условиях глубокой секретности. Порой это было непросто, но вознаграждение стоило потраченных усилий. Так что можете считать, на моих губах – двойная печать. Сам я не религиозен, но покойному Лидеру очень многим обязан лично. И уже поэтому делаю все, чтобы найти госпожу Аомамэ. Вот увидите: мои старания будут не напрасны. Прошу вас подождать еще немного. Скоро я пораду вас хорошими новостями.

Онда еле заметно сдвинулся в кресле. Словно в ответ на это, Хвостатый у выхода перемялся с ноги на ногу.

– Это все, что вы сейчас можете сообщить наверняка? – уточнил Онда.

Усикава, задумавшись, выдержал паузу. И добавил:

– Как я уже говорил, госпожа Аомамэ дважды звонила в Отдел безопасности движения Полицейского департамента Синдзюку. А ей оттуда звонили несколько раз. Кто именно, установить не удалось. Полиция есть полиция – выспрашивать у них подобные вещи бесполезно. И все же на словах «Отдел безопасности движения Синдзюку» в моей плешивой голове что-то щелкнуло. Какая-то картинка мелькнула в дырявой памяти и тут же исчезла. Что-то я то ли слышал, то ли читал про этот Отдел. Очень долго вспоминал! Все-таки старость не радость, куда деваться. То ли дело в молодости: раз – и сразу вспомнил, что нужно! Слава богу, событие это случилось всего неделю назад, так что совсем позабыться не успело...

Выдержав театральную паузу, Усикава с гордой улыбкой воззрился на собеседника. Онда терпеливо ждал.

– В августе молодую сотрудницу этого отдела задушили в лав-отеле на Синдзюку, недалеко от кварталов Маруяма. Абсолютно голый труп был прикован к кровати наручниками из ее же полицейского инвентаря. Случай, разумеется, получил скандальную огласку. Так вот, некто из Отдела безопасности движения не раз звонил госпоже Аомамэ за несколько месяцев до этого убийства. А после, как нетрудно догадаться, не позвонил ни разу. Ну как? Не слишком ли странно для случайного совпадения?

Помолчав несколько секунд, Онда изрек:

– Вы хотите сказать, ей могла звонить та полицейская, которую потом убили?

– Ее звали Аюми Накано. Двадцать шесть лет. Весьма привлекательна. Отец и старший брат тоже служат в полиции. В департаменте была на хорошем счету. Полиция, само собой, чуть землю не изгрызла, но убийцу до сих пор не нашли. Извините, если мой вопрос прозвучит бестактно, – но, может, ее имя вам что-нибудь говорит?

Бритоголовый Онда уставился на Усикаву таким холодным и твердым взглядом, будто глаза его вытесаны из льда.

– Я не понимаю вас, господин Усикава, – произнес он. – Вы полагаете, мы имеем к этому инциденту какое-то отношение? Хотите сказать, кто-то из наших людей затащил эту женщину в задрипанный отелишко и задушил, приковав наручниками к кровати?

Усикава поджал губы и отчаянно затряс головой:

– Что вы, ни в коем случае! Даже в мыслях такого не было! Я всего лишь поинтересовался, не вспоминается ли вам что-либо на эту тему. Вот и все, уверяю вас. Любая, казалось бы, мелочь может оказаться бесценной в моих изысканиях. Что угодно, лишь бы установить связь между задушенной женщиной и гибелью Лидера.

Онда набрал в легкие воздуха и, задержав дыхание, смерил Усикаву долгим оценивающим взглядом. Затем выдохнул и произнес:

– Хорошо. Я доложу эту информацию руководству.

Достав из кармана ручку с блокнотом, он записал, повторяя вслух:

– Аюми Накано, двадцать шесть лет... Отдел безопасности движения Синдзюку... Возможно, связана с Аомамэ.

– Именно так, – подтвердил Усикава.

– Что-нибудь еще?

– Да. Обязательно сообщите вверх еще вот что. Кандидатуру Аомамэ с самого начала предложил кто-то из секты. Порекомендовал как лучшего инструктора в Токио по массажу и так далее. А затем мне, как и вам, поручили проверить ее подноготную. Не хочу себя оправдывать, но об этой женщине я узнал все, что мог. И, что самое странное, не обнаружил ничего подозрительного. В ее биографии не было ни единого грязного пятнышка. Поэтому вы и пригласили ее в номер отеля «Окура». Чем это закончилось, повторять не стану. Остается вопрос: так кто же ее порекомендовал?

– Известно.

– Известно? – Лицо Усикавы озадаченно вытянулось. – Значит, кто-то внутри вашей организации подсунил вам наемную убийцу, а кто именно – вы не знаете?

– Именно так, – подтвердил Онда, не меняясь в лице.

– Чудеса, да и только. – Усикава недоверчиво покачал головой.

Онда молчал.

– Вероятно, вы не можете сказать мне всю правду? – предположил Усикава. – Но факт остается фактом: кто-то предложил имя госпожи Аомамэ, а затем поставил вопрос об организации ее визита. Разве не так?

– На самом деле, чаще всего об этой женщине упоминал сам Лидер, – произнес Онда, осторожно подбирая слова. – В руководстве секты многие считали, что приглашать неизвестного человека со стороны чересчур опасно. Так же считали и мы, его телохранители. Но Лидер даже слушать никого не хотел и постоянно возвращался к Аомамэ в разговорах.

Усикава снова взял зажигалку. Открыл крышку, высек на пробу огонь и тут же захлопнул опять.

– Мне всегда представлялось, что Лидер – человек весьма осторожный, – сказал он.

– Так оно и было, – подтвердил Онда. – Крайне осторожный и осмотнительный человек.

И комнату затопило глубоким молчанием.

– Тогда позволю себе еще один вопрос, – нарушил паузу Усикава. – Насчет господина Тэнго Каваны. У него была любовница – замужняя дама по имени Кёко Ясуда. Раз в неделю она приезжала к нему домой, и они занимались любовью. Дело житейское, ничего странного. Вот только однажды ему позвонил супруг этой дамы и сообщил, что приезжать она больше не сможет. С тех пор господин Кавана о ней ничего не слышал.

Онда недоуменно сдвинул брови:

– Не понимаю, к чему вы клоните. Разве Тэнго Кавана как-то связан со случаем, о котором мы говорим?

– Я и сам пока не пойму. Просто этот вопрос уже давно не дает мне покоя. По идее, госпожа Ясуда должна была хоть раз позвонить ему. Их отношения с господином Каваной были достаточно давними и глубокими. А тут – как сквозь землю провалилась, ни слуху ни духу. Все это странно – и, не исключая, могло бы вывести на какие-то другие подробности, пока не известные нам. Возможно, на эту загадку удастся пролить свет с вашей стороны?

– По крайней мере, лично я об этой женщине слышу впервые, – проговорил Онда бесцветным голосом. – Кёко Ясуда. Была связана с Тэнго Каваной.

– Старше него на десять лет. Замужем, – добавил Усикава.

Онда сделал в блокноте новые пометки.

– Это мы тоже передадим руководству.

– Вот и славно, – кивнул Усикава. – Кстати, а где находится госпожа Эрико Фукада, вы еще не узнали?

Оторвав взгляд от записок, Онда смерил Усикаву таким взглядом, будто заметил на стене покосившуюся картину.

– А зачем нам знать, где находится Эрико Фукада?

– Но разве вам это не интересно?

Онда покачал головой:

– Где она и что собирается делать, не имеет к нам ни малейшего отношения. Пусть находится там, где хочет.

– И господин Кавана вас тоже не интересует?

– Абсолютно не нужный нам человек.

– Однако совсем недавно вы интересовались ими обоими, причем – очень сильно...

Онда прищурился:

– В настоящее время нас интересует только один человек: Аомамэ.

– У вас так быстро меняются интересы?

Онда едва заметно скривил губы, но промолчал.

– Господин Онда. Вы читали роман «Воздушный Кокон», который написала госпожа Фукада?

– Нет. В нашей организации запрещено читать любую литературу, кроме религиозной. Даже в руки брать нельзя.

– А кто такие *LittlePeople*, вам слышать не доводилось?

– Понятия не имею, о ком вы, – среагировал Онда, не задумавшись ни на секунду.

– Тогда у меня все, – попытожил Усикава.

На этом их диалог завершился. Поднявшись с кресла, Онда поправил пиджак. Хвостатый отделился от косяка и сделал шаг вперед.

– Господин Усикава, – проговорил Онда, глядя на собеседника сверху вниз. – Вынужден подчеркнуть: в нашем случае время решает все. Мы работаем на пределе возможностей. С вашей стороны ожидается то же самое. Чем скорее найдется Аомамэ, тем будет лучше для всех. Неудача может обернуться крупными неприятностями – как для нас, так и лично для вас. Напоминаю, что теперь вы знаете чужие и очень глубокие тайны.

– Глубокие знания – тяжелое бремя, – отозвался Усикава.

– Воистину, – подтвердил Онда все тем же бесцветным голосом. А затем развернулся и, не оглядываясь, вышел из кабинета. За ним последовал Хвостатый, и дверь закрылась.

Как только незваные гости ушли, Усикава выдвинул ящик стола и выключил запись. Затем открыл крышку магнитофона, извлек кассету и поставил на ней шариковой ручкой дату и время беседы. Несмотря на нелепую внешность, писал он красиво – иероглифы крупные, разборчивые. Наконец, достав из того же ящика «Севен старз», Усикава вытянул из пачки сигарету, зажал в губах и прикурил от золотой зажигалки. Глубоко затянулся, выпустил струю дыма в потолок – и, закрыв глаза, просидел так добрые полминуты. Затем открыл глаза и взглянул на часы над столом. Половина третьего. Ну и мерзкая парочка, снова подумал он.

«Чем скорее найдется Аомамэ, тем будет лучше для всех, – сказал Бонза. – Неудача может обернуться крупными неприятностями как для нас, так и лично для вас».

Штаб-квартиру «Авангарда» в горах Яманаси Усикава посещал дважды, и от его внимания не ускользнула огромная печь, установленная за деревьями в роще. Очень мощная с виду – обычно такие используют для сжигания крупного мусора и производственных отходов. Но при желании там запросто можно сжигать и трупы – так, чтобы ни косточки не осталось. Насколько Усикава знал, несколько трупов в той печи уже действительно сожгли. В том числе и останки Лидера секты. Разделять их участь Усикава, понятно, совсем не желал. Если уж это неизбежно, исчезнуть из этого мира хотелось бы мирным способом.

Разумеется, кое-какие факты от этой зловещей парочки Усикава все-таки утаил. Никогда не раскрывать все козыри – одно из важных правил его работы. Мелкие можно и засветить, ничего страшного. Но крупные должны оставаться в рукаве до конца игры. Ну и, конечно, всегда нужна подстраховка. Скажем, в виде кассеты с записью конфиденциальной беседы. Этим правилам Усикава неукоснительно следовал много лет, что давало ему солидную фору перед молодыми верзилами-охранниками.

Во-первых, он составил список всех клиентов спортклуба, с которыми Аомамэ проводила частный инструктаж. Их оказалось двенадцать. Заполучить подобную информацию при должных усилиях и «ноу-хау» оказалось несложно. Подноготную каждого из этой дюжины он проверил, насколько смог. Восемь женщин, четверо мужчин. Все – высокого положения в обществе, финансово обеспечены. Ни один не походит на потенциального заказчика чьего бы то ни было убийства. Одна, состоятельная дама лет за семьдесят, содержит приют для избиваемых

жен. Выкупив старое двухэтажное здание на краю зажиточного квартала, она предоставляет кров женщинам, пострадавшим от бытового насилия.

Казалось бы, занятие достойное, подозрений не вызывает. Но что-то далекое, забытое на изнанке подсознания, то и дело стучало в мозг Усикавы и возвращало его к мыслям об этой старушенции. И каждый раз он задумывался – что же именно? В итоге, положившись на змеиный нюх и шестое чувство, он вроде нащупал, какому ключевому понятию обязан своим дежавю. *Насилие*. Старуха ведет против насилия некую осознанную войну и потому так организовано помогает его жертвам.

Не поленившись, Усикава даже специально съездил посмотреть на этот приют – деревянный домишко в жилом квартале на одном из холмов Адзабу. Совсем старенький, сохранивший очарование былых времен. Через решетку ворот можно было разглядеть цветочные клумбы у входа и ухоженные газоны в тени вечнозеленых дубов. Парадную дверь украшал разноцветный витраж. В Токио наших дней таких строений уже почти не осталось.

Несмотря на внешнюю безмятежность, охранялся приют очень тщательно. Высокую стену ограды венчали острые чугунные шипы. Металлические ворота крепко заперты. Немецкая овчарка на цепи яростно лаяла на всякого, кто приближался к дому. У входа работало несколько телекамер. Прохожих на дороге почти не появлялось, и долго маячить перед зданием было бы слишком неосторожно. Сам квартал очень тихий, вокруг пять или шесть иностранных посольств. Такой нелепый на вид персонаж, как Усикава, очень скоро вызвал бы у кого-нибудь подозрение.

И все-таки с мерами безопасности там явный перебор. Даже если учесть, что это убежище для пострадавших от побоев, настолько жесткий контроль все равно казался излишним. Хорошо бы разузнать о приюте все, что можно, решил Усикава, как бы крепко ни запирались эти ворота от внешнего мира. Или даже не так. Чем крепче они запираются, тем очевиднее: хорошо бы подобрать к ним какой-нибудь ключ. Нужно придумать, как это сделать. Даже если придется вывернуть мозги наизнанку.

Усикава вспомнил, как среагировал бритоголовый на его вопрос о *LittlePeople*. «*Понятия не имею, о ком вы*».

Слишком уж быстро этот Онда ответил. Не слышал бы ни разу в жизни – обязательно выдержал бы паузу хоть на секунду, чтобы покопаться в памяти: «*LittlePeople?.. Нет, не помню*». И лишь потом бы ответил, как любой нормальный человек.

Иначе говоря, Онда слышал о *LittlePeople*. Знает ли, что это означает, – другой вопрос. Но сам термин для него не в диковинку, это уж точно.

Загасив дотлевшую сигарету, Усикава немного поразмышлял об этом и опять закурил. На риск заболеть раком легких он давно уже махнул рукой. Никотин необходим ему, чтобы сосредоточиться. Когда не знаешь, что с тобой случится через пару-тройку дней, к чему беспокоиться о болезнях, которые доконают тебя лет через десять-пятнадцать?

К середине третьей сигареты в голову пришла одна занятная мысль. А что, подумал Усикава. Чем черт не шутит?

Глава 2

АОМАМЭ

Одиночка, но не одинока

Когда за окном темнеет, Аомамэ выходит на балкон, садится в пластиковое кресло и наблюдает за детской площадкой в маленьком парке через дорогу. Наблюдение это становится главным занятием каждого дня – и определяющим для всей дальнейшей жизни. Ясно ли, пасмурно, идет ли дождь – оно продолжается. Наступает октябрь, воздух с каждым днем все прохладнее. Зябкими вечерами Аомамэ одевается теплее, заворачивается в плед и пьет горячее какао. Последив за детской горкой примерно до половины одиннадцатого, она уходит с балкона, не спеша отогревается в горячей ванне и ложится спать.

Конечно, Тэнго может появиться и днем. Но это вряд ли. Если уж он решит прийти сюда снова, – это случится с наступлением темноты, при свете фонаря, и в небе будут отчетливо сиять две луны. Наскоро поужинав, Аомамэ одевается так, чтобы в нужный момент сразу выбежать на улицу, поправляет прическу, садится в садовое кресло и неотрывно смотрит на горку. Держа наготове пистолет и бинокль «Никон». Она боится отлучиться в туалет, чтобы не пропустить появление Тэнго, поэтому пьет лишь какао.

Так продолжается вечер за вечером – без перерывов и выходных. Она не читает книги, не слушает музыку; просто пытается уловить каждый шорох улицы и наблюдает за детской площадкой. Почти не меняет позы; лишь иногда поднимает голову и – если только не пасмурно – убеждается, что в небе над нею по-прежнему две луны. И вновь опускает взгляд. Так они и следят, все втроем: Аомамэ за парком, а луны – за Аомамэ.

Но Тэнго не появляется.

Прохожие в вечерний парк заглядывают нечасто. Иногда забредают влюбленные парочки. Садятся на скамейку и, держа друг друга за руки, торопливо и смущенно пробуют целоваться. Но сам парк слишком маленький, а свет у фонаря слишком яркий, поэтому долго никто не выдерживает, и они уходят куда-то еще. Некоторые забредают сюда в поисках туалета, но видят, что дверь заперта, и уходят, вздыхая или ругаясь. Временами на скамейке сидит, свесив голову, какой-нибудь клерк в костюме и галстук – то ли надеется протрезветь после корпоративной пьянки, то ли просто не хочет возвращаться домой. Перед сном каждый вечер выгуливает пса одинокий старик. Собака и дед никак не общаются между собой и, похоже, одинаково устали от жизни.

Но чаще всего в вечернем парке – ни души. Не видать даже кошек. Только фонарь заливает холодным, бездушным светом качели, горку, песочницу и запертый туалет. Если смотреть на этот пейзаж очень долго, начинает казаться, что ты остался один на совершенно безлюдной планете. Или угодил в то кино про ядерную катастрофу. Как там оно называлось... «На последнем берегу»?

Однако Аомамэ сосредоточенно следит за парком дальше. Точно матрос с высокой мачты высматривает в море косяки рыб и перископы вражьих подлодок. Хотя ее внимательный взгляд выискивает лишь одно: фигуру Тэнго Каваны.

А может, Тэнго живет в другом городе и только в тот вечер случайно оказался здесь? Если так, шансы вновь увидеть его в этом парке практически равны нулю. Но скорее всего, это не так, решила Аомамэ. И одежда, и поведение Тэнго, сидевшего тогда на горке, говорили о том, что он вышел из дому погулять перед сном и по дороге решил заглянуть в этот парк. Просто чтобы лучше разглядеть две висящие в небе луны. А значит, он живет где-то недалеко – так, что и пешком дойти можно.

В Коэндзи вообще нелегко найти место, откуда можно спокойно смотреть на луны. Район этот – плоский, как стол; высоток раз-два и обчелся. И если Тэнго снова захочется посмотреть на луны, лучшего места, чем эта горка, пожалуй, не сыскать во всей округе. Тихо, никто не мешает... Да, именно за этим Тэнго сюда и придет, почти убедила себя Аомамэ. Но тут же и осеклась: вряд ли все так уж просто. Наверняка он уже подыскал крышу какого-нибудь здания, откуда наблюдать эти чертовы луны еще удобней.

Аомамэ резко потрясла головой. Только не заморачивайся, велела она себе. Тебе остается лишь верить, что Тэнго появится здесь еще раз, а значит, надо сидеть и ждать. К тому же, пока и тебе самой никуда отсюда не деться; а этот парк – единственное место, где ваши с Тэнго реальности снова пересеклись.

Аомамэ не спустила курок.

Это было в начале сентября, и она стояла в кармане аварийного выхода с Третьей скоростной магистрали, шурясь от слепящего солнца. Со вставленным в рот черным дулом пистолета «хеклер-унд-кох». В костюме от Дзюнко Симеды и на каблучках от Шарля Жордана.

Люди таращились на нее из машин; никто не понимал, что происходит и чего ожидать. Ни женщина средних лет в серебристом «Мерседесе»-купе. Ни загорелые дальнбойщики в высоких кабинах фур. На глазах у этих людей она собиралась выбить себе мозги пулей девяти миллиметров в диаметре. Никакого другого способа покинуть реальность 1Q84 года у нее было. А поступив так, она могла бы спасти жизнь Тэнго. По крайней мере, это пообещал ей Лидер. В обмен на то, чтоб она отправила его на тот свет.

Она совсем не жалела, что умирает. Все было предрешиено – с той минуты, когда ее затянуло в это проклятое «Тысяча Невестьсот» по уже сочиненному кем-то сценарию. Какой же смысл прозябать одиночкой в этом сбрендившем мире, где в небе болтаются две луны, а людскими судьбами распоряжаются никому не ведомые *LittlePeople*?

И все-таки она не спустила курок. В последний момент указательный палец разжался, и она вытащила дуло изо рта. И словно человек, наконец-то выплывший на поверхность с глубокого морского дна, судорожно, во все легкие, вдохнула – и тут же выдохнула.

Она не стала лишать себя жизни потому, что вдруг услышала чей-то далекий голос. Никаких больше звуков в ту секунду не раздавалось. С момента, когда пистолетное дуло оказалось у нее меж зубов, она точно оглохла. Вокруг стало тихо, как в океанской пучине. При этом Смерть вовсе не казалась темной или ужасной; она обнимала Аомамэ естественно и очевидно, как воды в материнской утробе. «Неплохо», – подумала Аомамэ. И даже почти улыбнулась. А затем услышала Голос.

Похоже, к ней обращались откуда-то издалека, если не из забытого прошлого. Сам голос вроде был незнакомым. Однако он словно прорывался к ее ушам через несколько поворотов какого-то лабиринта, из-за чего интонация и тембр безнадежно искажались. Оставался лишь голый, лишенный всяких эмоций смысл сказанного. Но даже в этой *оболочке от голоса* Аомамэ вдруг различила давно забытую теплоту. Казалось, ее звали по имени.

Ослабив палец на спусковой скобе, она прищурилась – и вслушалась, пытаясь уловить, что же ей говорят. Но сколько ни напрягала слух, разобрала (или решила, что разобрала) лишь собственное имя. Все остальные звуки напоминали скорее вой ветра в гулкой пещере. Затем голос отдалился, стал совсем неразборчивым и пропал. Пустота, окутавшая Аомамэ, наконец-то исчезла, а все окружающие звуки нахлынули разом – так резко, будто из ушей вдруг вынули пробки. И, словно очнувшись, она ощутила, что желания сводить счеты с жизнью у нее больше нет.

А вдруг я снова увижусь с Тэнго в том маленьком парке? – подумала она. Помереть-то можно и после. Почему бы еще хоть раз не попытать этот шанс? Ведь жить, то есть не уми-

рать – это еще и реальный шанс встретиться с ним! *Я хочу жить*, твердо решила она. С очень странной уверенностью – какой она, пожалуй, не ощущала с рождения.

Вернув на место курок, она поставила оружие на предохранитель и спрятала в сумку. Поправила одежду, надела темные очки – и двинулась навстречу потоку машин обратно к такси, на котором сюда приехала. Люди в машинах молча глядели, как она дефилирует по хай-вэю – от бедра и на каблуках. Долго, впрочем, шагать не пришлось. Машина, что ее привезла, чуть продвинулась в жутком заторе и теперь оказалась почти рядом.

Аомамэ постучала в окно водителя, и тот опустил стекло.

– Еще раз прокатите?

Водитель заколебался.

– Но... Что это вы там, госпожа, э-э... засовывали себе в рот? Пистолет?

– Да.

– Настоящий?

– Вот еще! – фыркнула Аомамэ.

Таксист открыл ей заднюю дверь. Она села в машину, сняла с плеча сумку, положила на сиденье рядом, достала платок и промокнула губы. Во рту оставался привкус металла и машинного масла.

– Ну и как, нашли пожарную лестницу?

Аомамэ покачала головой.

– Я так и думал, – сказал водитель. – Отродясь не слышал, чтобы в таких местах были пожарные лестницы... Значит, все-таки поедem до спуска на Икэдзири?

– Да, пожалуй, – кивнула она.

Таксист махнул рукой водителю огромного автобуса и перестроился в правый ряд. Счетчик он не сбросил, и на экранчике значилась та же сумма, что натикала за всю дорогу.

Откинувшись на спинку и спокойно вздохнув, Аомамэ уперлась взглядом в уже знакомую рекламу бензина «Эссо». Тигренок все так же призывно улыбался, размахивая заправочным пистолетом.

– «Нашего тигра – в ваш бензобак»... – вполголоса прочитала Аомамэ.

– Что, простите? – переспросил водитель, взглянув на нее в зеркальце.

– Ничего. Это я себе.

Ладно, решила она. Поживу в этом мире еще немного. А там посмотрим, что дальше. Умереть никогда не поздно. Наверное.

На следующий день звонит Тамару, и Аомамэ заявляет, что ее планы меняются. Из этой квартиры я не съезжаю, сообщает она, имя себе не меняю и пластическую операцию не делаю.

Тамару долго молчит. Вероятно, прокручивает в голове сразу несколько версий происходящего.

– Значит, никуда больше ты переезжать не хочешь? – уточняет он.

– Ну да, – просто отвечает она. – В ближайшее время хочу побыть здесь.

– Но в этой квартире ты не сможешь скрываться слишком долго.

– Не буду высовываться – никто и не заметит.

– Ты недооцениваешь противника. Они постараются тебя найти хоть под землей и будут принохиваться к каждому твоему шагу. Ты рискуешь подвергнуть опасности не только себя, но и тех, кто вокруг. Если это случится, мое положение может сильно пошатнуться.

– За это мне очень неловко. Но дайте еще немного времени.

– «Еще немного времени» – очень абстрактное выражение, – бесстрастно изрекает Тамару.

– Ради бога, простите. Иначе я объяснить не могу.

Тамару снова молчит. Похоже, догадался по ее голосу, что она от своего не отступит.

– Именно своим положением, – говорит он наконец, – я дорожу сильнее всего. Ну, или *почти* всего. Надеюсь, ты меня понимаешь?

– Думаю, да.

Тамару молчит еще немного. Затем резюмирует:

– Хорошо. Я всего лишь хочу, чтобы между нами не оставалось непонимания. Полагаю, раз ты так говоришь, у тебя есть свои причины.

– И очень серьезные.

Тамару откашливается.

– Как я уже говорил, мы разработали план, по которому ты уехала бы отсюда как можно дальше, замела следы, сменила имя и внешность. Вряд ли это бы гарантировало тебе полную безопасность, но визуально и по документам ты действительно стала бы другим человеком. И насколько я помню, с этим планом ты полностью соглашалась.

– Да, я все понимаю. И никаких сомнений в вашем плане у меня ни разу не возникло. Тем не менее кое-что в моей жизни совершенно непредсказуемо изменилось. Поэтому я должна пробыть здесь еще немного.

– Пока не могу сказать тебе ни «да», ни «нет», – говорит Тамару. И еле слышно прочищает горло. – Окончательный ответ сообщу чуть позже.

– Я все время здесь, – отзывается Аомамэ.

– Это хорошо.

И Тамару вешает трубку.

На следующее утро без четверти девять телефон звякает трижды, потом умолкает – и трезвонит снова. Явно Тамару, больше никому.

Приветы с прелюдиями, как всегда, опускаются.

– Мадам очень встревожена твоим желанием оставаться здесь дальше. Квартира не обеспечивает должной безопасности. Это всего лишь перевалочный пункт. Нам обоим кажется, что ты должна как можно скорее уехать подальше в спокойное место. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я.

– Очень хорошо понимаю.

– С другой стороны, человек ты хладнокровный и осторожный. Грубых просчетов не делаешь, паники не допускаешь. В общем и целом, мы очень тебе доверяем.

– Спасибо.

– Если хочешь остаться там «еще на какое-то время», значит, зачем-то тебе это нужно. Зачем – не знаю, но полагаю – это не просто блажь. Поэтому мы решили пойти тебе навстречу, насколько возможно.

Аомамэ слушает, ни слова не говоря.

– Можешь оставаться в этом жилище до конца года, – продолжал Тамару. – Но не позже.

– Значит, с Нового года придется отсюда съехать?

– Это максимум, что мы можем сделать с учетом твоих пожеланий.

– Я поняла, – говорит Аомамэ. – До конца года поживу здесь, потом переберусь куда-нибудь еще.

На самом деле она думает иначе – и не собирается съезжать отсюда, пока не встретит Тэнго. Но если сказать об этом сейчас, разговаривать станет сложнее. До конца года еще есть время. А там посмотрим.

– Договорились, – решает Тамару. – Раз в неделю тебе будут доставлять еду и все необходимое. Каждый вторник ровно в час дня ожидай курьеров. Ключ у них свой, откроют сами и сразу пройдут на кухню. Кроме кухни, заходить никуда не будут. На это время ты должна запирается в спальне. На глаза не показывайся. Голоса не подавай. Уходя, они запрут за собой

и снаружи позвонят в дверь один раз. Тогда можешь выходить из спальни. Если нужно что-нибудь особенное, говори прямо сейчас. Доставят уже во вторник.

– Нужен домашний тренажер для растяжки мышц, – просит Аомамэ. – Без хорошего инструмента полной растяжки не выходит, как ни старайся.

– Стационар, как в спортклубе, не обещаю, но для дома что-нибудь подберем.

– Самый простой сгодится.

– Велотренажер и снаряд для растяжки. Устроит?

– Да, конечно... И еще, если можно, металлическую битку для софтбола.

Несколько секунд Тамару молчит.

– Битку можно использовать по-разному. Мне просто спокойнее, когда она под рукой. Я ведь, можно сказать, выросла с нею в руках.

– Ясно, организуем, – говорит наконец Тамару. – Если вспомнишь еще что-нибудь, напиши записку и положи на кухонный стол. Доставят в следующий раз.

– Благодарю. Но пока вроде всего хватает.

– Может, какие-то книги? Или видео?

– Ничего конкретного в голову не приходит.

– Как насчет Пруста? «В поисках утраченного времени»? – вдруг предлагает Тамару. – Если еще не читала, у тебя отличный шанс прочесть книгу от корки до корки.

– А вы сами прочли?

– Нет. В тюрьме я не сидел, нигде подолгу не прятался. Говорят, ее тяжело читать, пока не попал в ситуацию вроде таких вот.

– Так, может, из знакомых кто-нибудь прочел?

– У меня были знакомые, отсидевшие по несколько лет. Но их, как правило, Пруст не интересовал.

– Ладно, попробую, – обещает Аомамэ. – Приготовьте, пускай доставят.

– На самом деле, уже приготовил, – отзывается Тамару.

«Курьеры» заявляются во вторник ровно в час. Аомамэ, как велено, запирается в спальне и сидит там тихо, как мышка. Она слышит, как в замке входной двери поворачивается ключ, в квартиру кто-то заходит. Как выглядят те, кого Тамару называет «курьерами», одному богу известно. По шагам и прочим звукам Аомамэ догадывается, что их вроде бы двое, хотя ни один не произносит ни звука. «Курьеры» заносят в кухню несколько то ли ящиков, то ли мешков и в абсолютном молчании их распаковывают. Слышно, как они моют под краном еду, убирают ее в холодильник. Определенно, каждого четко проинструктировали, что и как делать, перед тем как прислать сюда. Они вскрывают коробки, разворачивают пакеты, собирают мусор в мешки. Поскольку Аомамэ не может выходить из дома, даже мусор выносить должен кто-нибудь за нее.

Они действуют быстро и слаженно. Без лишнего шума и топота. Вся работа занимает минут двадцать, а потом они сразу уходят. В замке поворачивается ключ, затем раздается условный звонок в дверь. На всякий случай Аомамэ выжидает еще пятнадцать минут, выходит из спальни, убеждается, что никого нет, и запирает входную дверь на засов.

Огромный холодильник теперь забит на неделю вперед. Причем на сей раз – не полуготовыми блюдами для быстрого разогрева в микроволновке, а здоровыми, свежими продуктами. Фрукты и овощи. Рыба и мясо. Тофу, морская капуста, натто³. Молоко, сыр, апельсиновый сок. Десяток яиц. Чтобы заранее избавить Аомамэ от лишнего мусора, магазинные упаковки сняты, и все продукты бережно обернуты виниловой пленкой. Похоже, «курьеры» прекрасно разбираются в том, какую еду Аомамэ предпочитает каждый день. Но откуда им это известно?

³ **Тофу** – желеобразный соевый творог с нейтральным вкусом. **Натто** – ферментированная бобовая паста с резкими запахом и вкусом. Популярное блюдо японской кухни.

У окна стоит велотренажер. Уже собран. Небольшой, но очень классный. На дисплее можно отслеживать общий пробег в километрах, количество потраченной энергии, число оборотов колеса в минуту и пульс. Рядом с тренажером – похожий на небольшую скамейку снаряд для растяжки мышц живота, спины и плеч. С помощью нехитрого инструмента (прилагается) его легко собирать в разных конфигурациях. Делать это Аомамэ умеет отлично. Модель у снаряда новейшая, конструкция простая, но очень эффективная. С этой парочкой агрегатов Аомамэ добьется лучшей растяжки, какую только можно придумать.

На полу рядом – и софтбоксовая бита в чехле. Аомамэ снимает чехол, перехватывает битку поудобнее, делает несколько ударов в пространстве. Новенькая серебристая бита, поблескивающая, рассекает воздух с резким свистом. Ее тяжесть успокаивает Аомамэ, напоминая о годах юности, проведенных вместе с Тамаки.

На столе Аомамэ видит стопку книг: «В поисках утраченного времени» Пруста. Томики не новые, хотя и незаметно, чтобы их читали. Всего пять штук⁴. Аомамэ берет один, перелистывает. Рядом на стол выложено несколько журналов – еженедельных и ежемесячных. И пять новеньких, нераспечатанных видеокассет. Кто выбирал их – неизвестно, однако ни одного фильма она не видела. Ходить в кино она не привыкла и никогда не смущалась, что какой-либо картины до сих пор не смотрела.

В большом пакете из универмага – три свитера: толстый, средний и тонкий. Две рубашки из теплой фланели, четыре футболки с длинным рукавом. Все одноцветное, простого покроя. По размеру подходит идеально. Плюс шерстяные носки и колготки. Если торчать здесь до конца декабря, наверняка пригодятся. Подготовка – выше всяких похвал. Аомамэ несет одежду в спальню, что-то раскладывает по полкам в шкафу, что-то развешивает на плечики. Затем идет в спальню, наливает себе кофе – и тут звонит телефон. Три звонка, пауза – и трезвонит дальше.

– Всё доставили? – сразу уточняет Тамару.

– Да, спасибо. Кажется, все, что нужно. И тренажеры в самый раз. Остается только читать Пруста.

– Если мы что-то упустили – сообщай, не стесняйся.

– Ладно, – отвечает Аомамэ. – Хотя понять, что упущено, будет непросто.

Тамара слегка откашливается:

– Возможно, я скажу лишнее. Но если не возражаешь, хочу тебя кое о чем предупредить.

– Да, конечно. О чем угодно.

– Долго находиться в запертом тесном пространстве, ни с кем не общаясь, на самом деле куда тяжелее, чем кажется поначалу. Даже самые терпеливые рано или поздно взвоют. Особенно если при этом они прячутся от тех, кто за ними охотится.

– До сих пор я долго жила в пространстве куда теснее, чем здесь.

– Возможно, в этом твое преимущество, – замечает Тамара. – Но все равно следи за собой. От долгого напряжения нервная система человека незаметно для него самого превращается в тряпку. А нервы, которые однажды превратились в тряпку, восстанавливаются с большим трудом.

– Постараюсь следить за собой, – обещает Аомамэ.

– Я уже говорил, по натуре ты человек осторожный, практичный и выносливый. И силы свои не переоцениваешь. Но даже самые осторожные люди начинают делать ошибки, если перестают за собой следить. Одиночество – кислота, которая разъедает человека изнутри.

– Мне кажется, я не одинока, – заявляет Аомамэ. Наполовину собеседнику, наполовину себе самой. – Одиночка – возможно. Но не одинока.

⁴ Хотя цикл Пруста «В поисках утраченного времени» состоит из семи романов, в 1970–1980-е гг. весь его японский перевод выпускался издательством «Тикума-Сёбо» в виде пятитомника.

В трубке замолкают. Видимо, пытаются разделить категории «одиночка» и «одинокый».

– В любом случае, теперь буду еще осторожней, – говорит Аомамэ. – Спасибо за совет.

– Я хочу, чтобы ты понимала одно, – добавляет Тамару. – Мы со своей стороны сделаем все, чтобы тебе помочь. Но если у тебя вдруг возникнут непредвиденные обстоятельства – уж не знаю какие, – не исключено, что справиться с ними тебе придется самой. Как бы я ни торопился, риску элементарно не успеть. Или даже вообще не смогу тебя вытащить. Скажем, если сталкиваться с этими обстоятельствами для нас будет слишком нежелательно.

– Прекрасно вас понимаю. Остаться здесь – мое решение, и я постараюсь защититься своими силами. Металлической битой и *вашим подарком*.

– Этот мир жесток...

– Там, где есть желания, готовься к испытаниям, – отвечает Аомамэ.

Тамару снова молчит, затем продолжает:

– А ты слышала об испытании, которое выпало сыщику тайной полиции в России эпохи Сталина?

– Нет.

– Его посадили в квадратную комнату, где был один лишь маленький деревянный стул. И приказали: «Заставь этот стул во всем признаться и составь протокол. Пока не сделаешь, из комнаты – ни ногой».

– Прямо сюр какой-то.

– Да нет, никакого сюра. Очень реальная история, от начала и до конца. Сталин создал жутко параноидальную систему, с помощью которой загнал в могилу десять миллионов человек, своих же соотечественников. И это – совершенно *реальный* мир, в котором мы живем до сих пор. Постарайся никогда это не забывать.

– Я смотрю, у вас много историй, которые греют душу...

– Не так уж и много. Но запасаясь на крайние случаи жизни. Образования толком не получил, вот и запоминаю все, что может пригодиться. Примеряю каждую историю на себя. Ты же сказала: «*Там, где есть желания, готовься к испытаниям*». Все верно. Вот только желаний обычно мало, и все они довольно абстрактны, а испытаний – до ужаса много, и уж они-то совершенно конкретны. Это мне тоже пришлось претерпеть на собственной шкуре.

– Так что же за признание выбил следователь из деревянного стула?

– Очень ценный вопрос для размышлений, – отвечает Тамару. – Прямо дзэнский коан.

– Дзэн Сталина... – мрачно усмехается Аомамэ.

Помолчав еще немного, Тамару вешает трубку.

После обеда Аомамэ занимается фитнесом: крутит педали тренажера, разминается на снаряде. С такой отдачей и таким удовольствием она не занималась своим телом уже очень давно. Закончив, смывает под душем пот. Затем, слушая радио, готовит нехитрый ужин. Смотрит по телевизору вечерние новости (ни одной интересной). А потом, уже в сумерках, садится на балконе и наблюдает за парком внизу. На коленях у нее тонкий плед, под рукой – пистолет и бинокль. А также новенькая, блестящая металлическая бита.

А ведь если Тэнго никогда больше не появится в этом парке, – думает она, – я так и проживу скромно и неприметно здесь, на задворках Коэндзи, до конца этого загадочного 1Q84 года. Буду готовить себе еду, заниматься фитнесом, смотреть по ящику новости, листать Пруста – и ожидать на этом балконе, когда же Тэнго наконец придет. Дождаться его – моя основная задача. Тоненькая ниточка, которая еще привязывает меня к жизни. Как того паучка – к аварийной лестнице, по которой я спустилась с хайвэя. Черный паучок растянул свою паутину на ржавой арматуре и затаил дыхание. Его несчастная паутинка раскачивалась на ветру меж колонн автострады, истрепанная и порванная в нескольких местах. Когда я заметила это, помню, даже пожалела бедолагу. А теперь и сама угодила в похожий переплет.

Нужно раздобыть кассету «Симфониетты» Яначека, решает Аомамэ. Идеальная музыка для занятий фитнесом. Ее звуки связывают меня с иной реальностью – сама не знаю, с какой. Она для меня – словно проводник *куда-то еще*. Не забыть бы добавить это в список вещей для следующей доставки.

Вот уже и октябрь; истек третий месяц ее зависания здесь. Часы продолжают неустанно отсчитывать время. Утопая в садовом кресле, Аомамэ смотрит через пластиковые прутья балконной решетки на горку в парке. Неоновый фонарь заливает детскую площадку своим ярким белым сиянием. Пейзаж напоминает Аомамэ коридор безлюдного океанариума. Она представляет, как невидимые рыбы без единого звука плавают между деревьями. Шевеля плавниками, ни на миг не прерывая движения. А в небе висят две луны, словно призывая ее в свидетели.

– Тэнго, – шепчет Аомамэ. – Где ты сейчас?

Глава 3 ТЭНГО

Все эти звери одеты по-европейски

После обеда Тэнго входил в палату отца, садился на стул у кровати, раскрывал книгу, принесенную с собой, и читал вслух. Прочитав страниц пять, отдыхал немного и продолжал. Он читал отцу что попало – рассказы, дневники, статьи по природоведению. Главное – не в содержании, а в том, чтобы превращать тексты в голос.

Тэнго не знал, слышит его отец или нет. Никакой реакции на лице старика не читалось. Истощенный и жалкий, тот просто спал. Недвижный, практически бездыханный. То есть он, конечно, дышал. Но понять это было можно, лишь приблизив ухо к его лицу или поднеся зеркальце к приоткрытым губам. Через капельницу в его тело перегонялся физиологический раствор, а через катетер из организма выводились испражнения. Визуально же то, что пациент еще жив, доказывали только жидкости, перетекавшие плавно и бесшумно в прозрачных трубках. Иногда медсестра брила старика электробритвой и маленькими скругленными ножницами выстригала седые волоски из его ушей и ноздрей, подравнивала брови. Волосы продолжали расти, даже когда их хозяин был в коме. При взгляде на отца Тэнго переставал понимать, в чем разница между человеческой жизнью и смертью. А может, этой разницы нет вообще? Может, это мы для удобства придумали, что она существует?

В три часа приходил лечащий врач и рассказывал Тэнго о состоянии больного. Рассказы его были очень коротки – и всегда об одном и том же. Изменений не наблюдалось. Пациент очень глубоко спал. Его жизненные силы понемногу уходили. Иными словами, медленно, но верно к нему приближалась смерть. В какой-либо дополнительной помощи он прямо сейчас не нуждался. Оставалось лишь позволить ему и дальше спокойно спать. Ничего больше врач сообщить не мог.

Ближе к вечеру являлись два санитары и увозили отца на обследование. В разные дни санитары были разными, но одинаково безмолвными. Возможно, из-за масок на пол-лица – оба молчали как рыбы. Один, похоже, был иностранцем. Крепко сложенный и темнокожий, он всегда улыбался Тэнго из-под маски. Это было видно по глазам. И Тэнго кивал ему, улыбаясь в ответ.

Через полчаса-час отца доставляли обратно в палату. Как именно его обследовали, Тэнго не знал. Когда отца увозили, он спускался в столовую, выпивал горячего зеленого чая и, скоров так минут пятнадцать, возвращался в палату. Смутно надеясь, что на опустевшей кровати отца вдруг снова увидит Воздушный Кокон, а в нем – свернувшуюся калачиком Аомамэ. Но ничего подобного не случалось. В палате его ждали только запах больного да пустая примятая постель.

Тэнго вставал у подоконника и смотрел из окна наружу. За поросшим травой двориком тянулся черный сосновый бор, за которым шумели волны Тихого океана. Казалось, мириады человеческих душ собрались там, за соснами – и мрачным, зловещим шепотом рассказывали каждая свою историю. Словно призывали все остальные души на свете поскорее слиться с ними воедино. Требуя все новых и новых историй, которые нужно кому-нибудь рассказать.

До сих пор в октябре Тэнго дважды брал выходной и ездил в санаторий близ Тикуры – утром туда, вечером обратно. Садился в ранний экспресс, добирался до лечебницы, шел в палату к отцу, садился у его кровати и время от времени что-нибудь говорил. Но старик никак не реагировал на слова – просто лежал навзничь и спал крепким сном. Почти все это время, сидя с ним рядом, Тэнго разглядывал пейзаж за окном. И надеялся, что с приближением вечера

опять случится что-нибудь необычное. Но ничего не происходило. День клонился к закату, палата погружалась в жиденький полумрак – и на этом все. В очередной раз отчаявшись, Тэнго вставал, покидал лечебницу, садился на последнюю электричку и возвращался в Токио.

«Может, стоит навещать отца почаще? – однажды подумал он. – Может, приезжать раз в неделю на день недостаточно, и я плохо выполняю сыновний долг?» Думать так особых причин вроде не было. Но почему-то ему так казалось.

Во второй половине октября Тэнго решил взять сразу несколько выходных подряд. На работе сказал, что тяжело болен отец, за которым нужен особый присмотр. И не соврал. Подменить себя на это время он попросил бывшего однокурсника, – одного из очень немногих старых приятелей, с кем поддерживал более-менее тесные отношения и даже после вуза перезванивался хотя бы пару-тройку раз в год. Приятель этот слыл чудаком даже у них на матфаке, богатом на чудаков всех мастей, и был действительно не от мира сего. Окончив универ, на постоянную работу устраиваться не стал, в аспирантуру не пошел; лишь иногда, если был настроен, преподавал математику в средних классах частной школы, которой заведовал его знакомый, а все остальное время жил, как душа пожелает, – читал самые разные книжки да рыбачил в горных речках. Хотя преподавателем был гениальным, Тэнго хорошо это знал. Просто махнул человек рукой на свой талант, вот и все. Родители богатые, гробиться на работе никакой нужды нет. Приятель этот уже однажды подменял Тэнго, и аспиранты тогда остались очень довольны. Тэнго позвонил ему, описал ситуацию, и тот сразу согласился.

Дальше предстояло решить, что делать с Фукаэри, которая пока жила с ним. Стоит ли оставлять столь юную и неприспособленную к жизни девушку одну в квартире? Этого Тэнго в одиночку решить не мог. Все-таки она сознательно скрывалась здесь от посторонних глаз. Поэтому он поинтересовался у нее самой: хочет ли она постеречь его жилище на время его отъезда, – или лучше переберется, пускай на время, куда-то еще?

– *Куда-ты-едеишь*, – спросила Фукаэри, нахмурившись.

– В Кошачий город, – ответил Тэнго. – Отец не приходит в сознание. Только засыпает все глубже. Врачи говорят, ему осталось совсем немного.

О том странном вечере, когда на постели вместо отца появился Воздушный Кокон с маленькой Аомамэ, Тэнго рассказывать не стал. Как и о том, что на вид реальный Кокон до мельчайших деталей совпадает с тем, как Фукаэри описала его для книги. И уж тем более – о том, что он, Тэнго, в душе очень сильно надеется еще хоть раз увидеть это чудо своими глазами.

Пытливо шурясь и ни слова не говоря, Фукаэри долго разглядывала Тэнго в упор. Точно старалась прочесть объявление, написанное очень мелкими буквами. Тэнго даже произвольно поднял руку и потрогал лицо, но ощущения, будто там что-то написано, не возникло.

– *Хорошо*, – сказала наконец Фукаэри и несколько раз кивнула. – *За-меня-не-волнуйся. Здесь-постерегу*. – И, немного подумав, добавила: – *Пока-опасности-нет*.

– Пока опасности нет? – переспросил Тэнго.

– *За-меня-не-волнуйся*, – повторила она.

– Я буду звонить каждый день.

– *Только-не-застрянь-в-кошачьем-городе*.

– Постараюсь, – пообещал Тэнго.

Затем он сходил в супермаркет и закупил впрок побольше еды, чтобы Фукаэри не пришлось выходить за продуктами. В основном – то, что можно быстро и легко приготовить. Тэнго отлично знал, что у девчонки толком нет ни желания, ни умения заниматься чем-либо на кухне. И по возвращении через пару недель ему совсем не хотелось увидеть в холодильнике кучу некогда свежего, а ныне прокисшего или сгнившего провианта.

Вернувшись домой, он сунул в полиэтиленовый пакет туалетные принадлежности и сменное белье, несколько книг, а также ручку и блокнот для записок. Затем, как обычно, отправился на Токийский вокзал, сел в экспресс, доехал до Татэямы, пересел на обычную электричку и

через одну остановку вышел в Тикуре. На станции заглянул в уголок туристической информации и подобрал себе сравнительно недорогой рёкан⁵. Курортный сезон давно закончился, и свободный номер нашёлся сразу. В эту гостиницу заселялись в основном любители порыбачить. Номера тесноваты, но татами пахнут свежей травой. Из окон второго этажа виден рыбный порт. Даже с завтраками оказалось дешевле, чем он ожидал.

– Сколько пробуду – не знаю. Для начала плачу за трое суток вперед, – сообщил он управляющей за стойкой. Та согласилась.

– На ночь закрываемся в одиннадцать, гости женского пола нежелательны, – дипломатично объяснила управляющая. Тэнго не возражал.

Отдохнув немного в номере, он позвонил в санаторий. Трубку взяла медсестра (средних лет – та же, что и всегда), и он спросил, можно ли навестить отца сегодня в три.

– Можно, – ответила медсестра. – Господин Кавана по-прежнему спит.

Так началась жизнь Тэнго в «Кошачьем городе» на морском берегу. Рано утром он просыпался, гулял по взморью, смотрел на рыбаков, рассеявшихся на портовых причалах, затем возвращался в гостиницу, завтракал. Еду подавали каждое утро штампованно-одинаковой: ставрида с яичницей, расчленённый помидор, суп-мисо с моллюсками и луком, плоская риса и листики сушеных водорослей, – но это почему-то всегда было вкусно. После завтрака Тэнго садился по-турецки за низенький стол и писал роман. После долгого перерыва вновь писать авторучкой было одно удовольствие. Как и продолжать любимое дело, даже в незнакомом месте. За окном раздавались гудки за гудками – рыбацкие шхуны возвращались в родной порт. Тэнго нравились эти звуки.

Он писал о мире, где в небе висело две луны. О реальности, в которой существовали Воздушный Кокон и *LittlePeople*. Сам этот мир он одолжил у Фукаэри, но все происходящее в нем полностью принадлежало его фантазии. Все время, пока он писал, его сознание находилось в том мире. А иногда оставалось там даже после того, как он откладывал ручку и отходил от стола. В такие минуты его сознание словно отделялось от тела, и он не мог сообразить, где реальность, а где фантазия. То же странное чувство наверняка посещало героя «Кошачьего города». Центр тяжести Земли незаметно смещается, проходящие электрички больше не останавливаются, и герой навсегда (скорее всего) застревает в городе кошек.

В одиннадцать нужно было уходить из номера, чтобы его прибрали. Дописав абзац, Тэнго выходил на улицу, добредал до станции, заглядывал в кафе и выпивал чашку кофе. Иногда съедал сэндвич, но чаще обходился без него. Брал с полки утреннюю газету, разворачивал и на всякий случай проверял, не пишут ли о том, что могло бы иметь к нему хоть какое-то отношение. Однако ничего подобного на глаза не попадалось. «Воздушный Кокон» давно исчез из списка бестселлеров. Нынешний лидер этого списка – диетическое пособие «Ешь что хочешь сколько хочешь, если хочешь похудеть». Отличное название для книги. Сметут с прилавков, даже если все страницы будут чистыми.

Выпив кофе и пролистав газету, Тэнго садился в автобус и ехал в лечебницу. Добирался дотуда в полпервого или чуть позже и коротал остававшиеся полчаса, болтая о чем-нибудь с сестрой в регистратуре. Теперь, когда Тэнго поселился в городке и стал навещать отца каждый день, медсестры общались с ним куда приветливее и сердечней, чем раньше. Словно семья благосклонно приняла возвратившегося блудного сына.

Одна сестра – совсем молоденькая, чуть за двадцать, – завидев Тэнго, всегда смущенно улыбалась. Словно он был ей как минимум симпатичен. Миниатюрная, краснощекая, волосы убраны в хвост на затылке, большие глаза. Но с тех пор как Тэнго увидел в Воздушном Коконе

⁵ Наряду с отелями западного образца в Японии также популярны «рёканы» – гостиницы в традиционном стиле, с японскими интерьером, сервисом и едой.

спавшую Аомамэ, думать о каких-то других женщинах у него не получалось. Все медсестры казались ему лишь призраками, иногда проплывавшими перед глазами. Сознание занимал только образ Аомамэ – и мысль о том, что где-нибудь в этом мире она существует. А возможно, даже ищет его. Именно поэтому в тот странный вечер она использовала некий особый канал, чтоб явиться сюда – и дать Тэнго понять, что не забыла о нем.

Если, конечно, то, что он видел, – не галлюцинация.

Иногда он вспоминал о своей замужней подруге. Где она, что сейчас делает? Теперь она *уже потеряна*, сообщил по телефону ее муж. И поэтому Тэнго больше не сможет ее увидеть. «Уже потеряна»... Эти слова никак не давали ему успокоиться. В них отчетливо слышалось что-то зловещее.

Но, как бы там ни было, замужняя подруга все реже всплывала в памяти Тэнго. Их послеобеденные встречи наедине превратились в воспоминания о чем-то далеком, давно прошедшем. Он корил себя за это забвение. Но сила тяжести Земли вдруг изменилась, стрелку на путях заклинило, и вернуться уже невозможно.

Он входил в палату отца, садился на стул у кровати, здоровался, называл себя. А затем по порядку рассказывал, чем занимался со вчерашнего вечера до сегодняшнего утра. Ничего примечательного, понятно, с ним не случалось. Вернулся на автобусе в город, зашел в столовую, съел простенький ужин, выпил бутылку пива, вернулся в гостиницу, почитал книгу. В десять лег спать. Утром проснулся, погулял по городу, позавтракал, затем часа два писал роман. И так – каждый день, ничего нового. Но почему-то, обращаясь к человеку без сознания, Тэнго старался докладывать обо всем как можно подробнее. Разумеется, никакой реакции на свои слова он не ждал. И словно говорил со стеной. Все это было повседневным ритуалом, не более. Но иногда и простое повторение одних действий может значить очень немало.

После этого он читал вслух какую-нибудь из книг, что привез с собой. Какую – специально не выбирал. Ту, что читал сам, и с того места, на котором остановился. Попадись ему инструкция к газонокосилке – наверно, читал бы отцу и ее. Все слова Тэнго старался произносить внятно, с выражением и не торопясь, чтобы слушателю было легче воспринимать. Этому единственному правилу он следовал неизменно.

«Молнии сверкали все ослепительней, заливая улицу голубым светом, но грома не было. А может, он и грохотал, просто я был уже в таком состоянии, что не слышал. Дождевая вода змеевидными лужами растекалась по дороге. Прошлепав по этим лужам, в трактир заходили все новые посетители.

Мой приятель вглядывался в лица входящих. «Что это с ним?» – забеспокоился я: он по-прежнему не говорил ни слова. Стоял ужасный галдеж, и вокруг нашего столика, как и во всем заведении, стало так тесно, что не продохнуть.

То и дело слышался странный звук – то ли затяжной кашель в попытке изрыгнуть застрявшую в горле кость, то ли тяжкий полухрип, с каким собаки принимают добычу.

Очередная молния сверкнула так яростно, что озарила помещение изнутри, и наконец-то грянувший гром едва не разнес в щепки крышу. От испуга мы вскочили на ноги, и я вдруг увидел, что вся публика в битком набитом трактире смотрит на нас; у каждого вместо лица – не то собачья, не то лисья морда, и все эти звери одеты по-европейски, а некоторые уже обливают губы длинными мокрыми языками»⁶.

На этом Тэнго посмотрел на отца и объявил:

⁶ Орывок из романа «Токийский дневник» (*То: кё: Никки*, 1939) японского прозаика, поэта и эссеиста Утиды Хяккэна (1889–1971).

– Конец.

История закончилась. Никакой реакции.

– Ну и как тебе?

Отец не ответил.

Иногда Тэнго читал отцу отрывки из романа, которые сочинились с утра. Прочитав, брал шариковую ручку, правил, где казалось нужным, – и зачитывал исправленное. А если в мелодике текста по-прежнему слышались диссонансы, правил еще, пока не зазвучит как следует.

– Ну вот, теперь вроде лучше, – говорил он отцу, будто испрашивая одобрения. Но тот, конечно, никакого мнения не высказывал. Ни «стало лучше», ни «оставь, как было», ни «что так, что эдак, все едино», – вообще никакого ответа. Отец лежал недвижно, и его ввалившиеся глаза были плотно запечатаны веками, словно запертые ставни дома, в котором никому не хотелось жить.

Время от времени Тэнго вставал со стула, разминал плечи, подходил к окну и смотрел наружу. Последние несколько дней было пасмурно, а однажды после обеда пошел дождь. Сосновая роща тут же потемнела от тяжелой влаги. В тот день рокота волн было совсем не слышно. Даже ветер не дул; просто падала вода с неба, и все. Черные птицы, собравшись в стаю, улетели куда-то сквозь этот дождь. Наверно, их души точно так же набухли и потемнели от сырости. Даже в палате все стало влажным – подушка, книги, столешница. Но при любой погоде – в сырости или ветре, в шуме ли волн – отец оставался недвижим. Паралич обволакивал его, как жалкое рубище – тело бедняка. Отдохнув немного, Тэнго читал дальше. В этой тесной сырой палате он все равно ничего больше не мог.

Когда же читать вслух совсем надоедало, он просто сидел и молча смотрел на отца, пытаясь представить, что же творится в голове старика. Во что превратилось сознание внутри этого черепа – твердого, точно старая наковальня? Или, может, никакого сознания там уже нет? И эта голова теперь – словно брошенный дом, из которого вынесли всю утварь, не оставив и духа человеческого жилья? Но даже если так, на стенах и потолке должны были осесть какие-то следы прошлого. Ведь если что-нибудь долго и в поте лица возделывать на одном месте, оно не должно так быстро кануть в небытие. И кто знает – возможно, пока отец лежит здесь, на казенной кровати в больнице у моря, в его подсознании проплывают события и картины, не видимые более никому.

Молоденькая краснощекая сестра, войдя в палату и улыбнувшись Тэнго, измерила отцу температуру, проверила капельницу и катетер. Результаты вписала в дневник состояния пациента. Ее руки двигались автоматически – видимо, в точности по инструкции. Следя за этими отлаженными движениями, Тэнго думал о том, каково этой девушке жить такой жизнью: в городишке у моря ухаживать за выжившими из ума стариками безо всякой надежды на исцеление. А ведь еще совсем молодая, здоровая. Грудь под накрахмаленным халатом не маленькая, но компактная – что называется, в самый раз. На гладкой шее поблескивал золотистый пушок. Табличка на отвороте халата сообщала фамилию: «Адати».

Что же привело эту девочку в царство старческого забвения и медленной смерти? Тэнго уже понял, что Адати – очень способная и старательная медсестра. Энергичная, умелая. Запросто ведь могла бы перейти на другую работу по специальности – туда, где больше жизни, где интересней. Отчего же выбрала такое печальное место? Что за причины и обстоятельства держат ее именно здесь? Если спросить напрямую, наверняка ответит честно. По крайней мере, впечатление честной девчонки она производит. Но Тэнго решил не спрашивать. Все-таки он в Кошачьем городе. Рано или поздно придется сесть на поезд и вернуться в обычный мир.

Выполнив все, что положено, медсестра вернула на место планшет и неловко улыбнулась Тэнго.

– Особых изменений не наблюдается, – сообщила она. – Все как всегда...

– В общем, ситуация стабильна? – уточнил Тэнго, стараясь говорить как можно жизнерадостней. – Если точнее.

Она снова улыбнулась, уже слегка виновато, наклонила голову. И заметила книгу на коленях Тэнго.

– Это вы отцу читаете?

Тэнго кивнул.

– Хотя и сомневаюсь, что он меня слышит...

– Все равно это очень полезно, – сказала сестра.

– Полезно или нет, не знаю. Просто ничего другого в голову не приходит.

– Но кроме вас, этого больше никто не делает.

– Может, потому, что все нормальные люди, в отличие от меня, заняты обычной человеческой жизнью?

Медсестра хотела что-то ответить, но запнулась и промолчала.

– Берегите себя, – только и сказала она.

– Спасибо, – отозвался Тэнго.

Когда сестра Адати вышла из палаты, он немного подумал – и стал читать дальше.

Под вечер, когда отца на койке с колесиками увезли на обследование, Тэнго спустился в столовую, прошел к телефону-автомату и позвонил Фукаэри.

– Ничего не изменилось? – сразу же спросил он.

– *Ничего*, – ответила она. – *Все-как-всегда*.

– Вот и у меня ничего. Выполняю день за днем одно и то же.

– *Но-время-продвинулось*.

– Это верно, – согласился Тэнго. – Время каждый день продвигается вперед на целые сутки. И назад его уже не вернешь...

– *Тут-опять-ворона-прилетала*, – сообщила Фукаэри. – *Большая-ворона*.

– Эта ворона каждый вечер прилетает на мой подоконник.

– *Выполняет-день-за-днем-одно-и-то-же*.

– Точно, – сказал Тэнго. – Так же, как и мы с тобой.

– *Но-она-про-время-не-думает*.

– Да, вороны о времени не задумываются. Понятие времени доступно только людям.

– *Почему*.

– Людям свойственно рассматривать время как прямую линию. Ну или как длинную палку, на которой они ставят засечку. На одном конце – прошлое, на другом – будущее. А мы сейчас посередине – вот здесь и ставим засечку. Я понятно говорю?

– *Вроде-бы*.

– Только на самом деле время – совсем не прямая линия. Оно никак не выглядит. Время вообще не имеет формы, ни в каком смысле. Но поскольку это никак не укладывается у нас в голове, нам удобнее представлять, что время – прямая линия. На такую подмену понятий способен только человек.

– *Но-мы-можем-ошибаться*.

Тэнго немного подумал.

– Ты хочешь сказать, мы можем ошибаться, думая, что время – прямая линия?

Она не ответила.

– Конечно, такое не исключается, – сказал он тогда. – Возможно, мы ошибаемся, а ворона права. Возможно, время – совсем не прямая, а какой-нибудь перекрученный пончик. Но именно с таким пониманием человек прожил уже десятки тысяч лет. Воображая, что время – бесконечная прямая линия, и исходя из этого в своих действиях. До сих пор такое представ-

ление не порождало особых неудобств или противоречий. Потому его и принято считать правильным. Принцип эмпирики.

– *Принцип-эмпирики*, – эхом повторила Фукаэри.

– Любое предположение считается верным, если оно периодически подтверждается на практике.

Фукаэри надолго умолкла. Поняла она слова Тэнго или нет, сказать было трудно.

– Алло? – позвал Тэнго, проверяя, на месте ли собеседник.

– *Ты-там-надолго*, – спросила она – как всегда, без знака вопроса.

– Надолго ли я в Тикуре?

– *Да*.

– Не знаю, – честно ответил он. – Побуду здесь, пока не пойму, что происходит. А непонятного пока хватает. Нужно посмотреть, как развиваются события.

Фукаэри в трубке опять замолчала. Когда она замолкала надолго, казалось, ее самой больше нет.

– Алло? – снова позвал он.

– *Не-опоздай-на-поезд*, – сказала она.

– Да уж, – отозвался Тэнго. – Постараюсь не опоздать. У тебя там все в порядке?

– *Недавно-приходил-человек*.

– Какой человек?

– *Из-эн-эйч-кей*.

– Сборщик взносов за телевидение?

– *Сборщик-взносов*, – переспросила она.

– Ты с ним разговаривала?

– *Не-поняла-чего-он-хочет*.

Она даже не знала, что такое «Эн-эйч-кей». Определенно, девочке не хватает фундаментальных знаний для выживания в этом мире.

– По телефону всего не объяснишь, но если коротко – это огромная организация, в которой работает целая куча людей. Их люди по всей Японии каждый месяц звонят другим людям в двери и собирают деньги. Только мы с тобой им платить ничего не должны. Потому что мы ничего от них не получаем. Но главное – ты ему не открывала, верно?

– *Дверь-не-открывала. Как-ты-сказал*.

– Ну и молодец.

– *Он-сказал-что-я-вор*.

– Не обращай внимания.

– *Но-мы-ведь-ничего-не-украли*.

– Разумеется. Мы ничего плохого не сделали.

Фукаэри снова умолкла.

– Алло? – позвал Тэнго.

Фукаэри долго ничего не отвечала. Похоже, разговор окончен, решил было Тэнго, но в трубке вдруг снова послышался какой-то звук.

– Алло? – опять позвал Тэнго, уже погромче.

Фукаэри чуть слышно кашлянула.

– *Он-хорошо-тебя-знал*.

– Кто? Сборщик взносов?

– *Да. Из-эн-эйч-кей*.

– И назвал тебя вором?

– *Не-меня*.

– Значит, меня?

Фукаэри не ответила.

– Как бы там ни было, телевизора у меня дома нет, и у корпорации «Эн-эйч-кей» я ничего не крал.

– *Очень-злил-ся-что-не-открываю.*

– Ну и черт с ним. Пускай злится – ему полезно. Но кто бы что ни говорил, дверь не открывай ни в коем случае.

– *Дверь-не-открою.*

Сказав так, Фукаэри вдруг повесила трубку. А может, и не вдруг. Возможно, для нее бросание трубки было делом совершенно естественным и логичным. И лишь ему, Тэнго, это показалось неожиданным. В любом случае, пытаться уловить, о чем Фукаэри думает и что ощущает, – занятие бесполезное. Это он понял давно. Принцип эмпирики.

Тэнго повесил трубку и вернулся в палату к отцу.

Того пока обратно не привезли. Силуэт его тела еще угадывался на смятой постели. Но Воздушного Кокона в ней, увы, не было. В прохладных вечерних сумерках, заполнивших палату, оставалось лишь слабое ощущение человека, который был здесь совсем недавно.

Глубоко вздохнув, Тэнго опустил на стул. И, сложив руки на коленях, долго разглядывал вмятину на отцовской постели. Затем встал, подошел к окну, посмотрел наружу. Над сосновой рощей, защищавшей лечебницу от морского ветра, растянулись темные осенние облака. Такого красивого заката он не наблюдал уже очень давно.

Откуда сборщик взносов «Эн-эйч-кей» может «хорошо знать» Тэнго – непонятно, хоть убей. В последний раз такой человек приходил чуть ли не год назад. Стоя в дверях, Тэнго вежливо объяснил ему, что телевизора в квартире не держит и никаких программ, соответственно, не смотрит. Сборщика взносов это объяснение не убедило, он поворчал, но убрался восвояси.

Неужели и сегодня приходил тот же самый? Помнится, тот мужик тоже назвал Тэнго вором. Но приходить к человеку год спустя и заявлять, что «хорошо его знает», было странно даже для служащего «Эн-эйч-кей». В дом его Тэнго не впускал и поговорил с ним на пороге от силы минут пять.

Да и черт с ним, решил Тэнго. Главное, что Фукаэри ему не открыла. Повторных визитов такие типы, как правило, не наносят. Их подгоняет рабочая норма, а от ругани с теми, кто платить не хочет, они давно устали. Поэтому тех, кто им отказывает, они в дальнейшем обходят стороной, а навещают тех, кто все-таки платит.

Тэнго снова осмотрел вмятину на постели отца. И подумал, какую кучу обуви стоптал его отец, собирая эти чертовы взносы. Из дня в день накручивая маршрут за маршрутом, он, наверное, выкидывал по несколько пар ботинок в год. Все эти ботинки были совершенно одинаковыми. Черные, на толстой подошве, практичные и дешевые. Отец ходил в них целыми днями; подошвы стирались, каблуки скособочивались. Всякий раз, когда маленький Тэнго смотрел на эти изуродованные туфли, его сердце сжималось. Не столько от жалости к отцу, сколько от сострадания к бедной обуви. Разношенные донельзя, эти ботинки напоминали рабочую скотину, которую гоняли в хвост и в гриву, пока не изводили до смерти.

Но разве теперь сам отец не напоминает такую же загнанную до смерти рабочую скотину? И разве он не похож на ботинки, которые износил?

Тэнго снова бросил взгляд за окно, на густеющий закат. И снова вспомнил Воздушный Кокон, окутанный голубоватым сиянием, и спящую в нем маленькую Аомамэ.

Появится ли опять Воздушный Кокон?

И правда ли, что время – прямая линия?

– Кажется, я застрял, – произнес Тэнго, обращаясь к стенке. – Слишком много переменных величин. Никакому вундеркинду не разобраться.

Но стены, понятно, не отзываются. И мнения не высказывают. Просто отражают краски заката – и все.

Глава 4

УСИКАВА

Бритва Оккама

Мысль о том, что старая хозяйка усадьбы в Адзабу может быть связана с убийством лидера «Авангарда», никак не укладывалась в плешивой голове Усикавы. Подноготную старухи он изучил досконально. Личность известная, особа элитарная – раззнать о ней все в деталях больших трудов не составило. Муж ее после войны стал крупной фигурой в деловых кругах и пользовался влиянием в политике. Поначалу торговал акциями и недвижимостью, но чем дальше, тем активнее отлаживал системы розничной торговли и грузовых перевозок. В середине 1950-х скончался, и жена приняла дела на себя. У нее был настоящий дар управления и великолепное чутье на любые кризисы. Во второй половине 1960-х, почуяв, что бизнес слишком разросся, она выгодно распродала акции сразу нескольких компаний и поэтапно сократила масштабы капитала. А силы бросила на то, чтобы оставшийся ресурс заработал с максимальной отдачей. Благодаря этому фирма не только пережила нагрянувший вскоре «нефтяной шок», но и сумела солидно разжиться. Определенно, эта женщина умела извлекать из чужих кризисов свою выгоду.

Сейчас ей за семьдесят. От бизнеса отошла. Денег до чертиков, живет спокойно и независимо в просторной усадьбе, где никто ее не тревожит. Родилась в богатой семье, вышла замуж за богача, а после его смерти стала еще богаче. Зачем такой женщине задумывать организованное убийство?

И все-таки Усикава решил раззнать о старухе побольше. Во-первых, других зацепок у него не было, а во-вторых, он отдельно заинтересовался неким «приютом», который она опекала. В самой благотворительности – организации бесплатного убежища для избиваемых жен – ничего неестественного он не видел. Здоровая, полезная общественная работа. Денег для спонсорства у старухи хватает, и все эти настрадавшиеся женщины наверняка по гроб жизни будут благодарны ей за доброту. Вот только слишком уж тщательно этот приют охраняется. Мощнейшие ворота на засове, немецкая овчарка, несколько камер наблюдения... Так и кажется, будто за всем этим скрывают нечто большее.

Первым делом Усикава проверил, на чье имя оформлены в собственность земля и усадьба. Эта информация была открытой – сходил в мэрию да попросил поднять нужные документы. И земля, и дом принадлежат старухе единолично. Ни под какие кредиты не заложены. Просто и ясно. Поскольку это стопроцентно частная собственность, каждый год на нее начисляется огромная сумма всяких налогов, которые выплачиваются регулярно и безупречно – так, словно для хозяйки эти деньги вообще ничего не значат. Что само по себе довольно редко. Насколько знал Усикава, более прижимистых и изворотливых налогоплательщиков, чем богачи, на этом свете днем с огнем не найти.

Удалось также выяснить, что после смерти мужа хозяйка жила в этой усадьбе одна. Разумеется, не совсем в одиночку – сразу несколько человек прислуги обитало под той же крышей. Детей она родила двоих. Старший сын продолжил семейный бизнес, у него самого трое детей. Дочь пятнадцать лет назад скончалась от какой-то болезни, у нее детей не было.

Все эти данные Усикава раздобыл без труда. Но как только попробовал копнуть глубже насчет старухиной частной жизни – уперся в непробиваемую стену. Очень высокую, в которой все окна и двери наглухо заперты. Информацию о своей личности она не хотела раскрывать ни единой живой душе. И для защиты этой информации от чужих глаз постоянно тратила уйму сил и денег. На вопросы о себе не отвечала, общественных заявлений не делала. Сколько документов о ней ни поднимай, ни одной фотографии не всплывет.

Впрочем, в телефонном справочнике округа Минато ее имя обнаружилось, и Усикава позвонил по указанному номеру. Таков был его профессиональный почерк: по возможности, стараться входить через парадную дверь. После второго гудка трубку снял мужчина. Заранее придумав себе фальшивое имя и подобрав подходящий инвестиционный фонд, Усикава представился и сказал, что хотел бы переговорить с хозяйкой насчет ее трастового капитала.

– Госпожа сейчас говорить не может, – ответили ему. – Все вопросы прошу обсуждать со мной.

Голос собеседника был деловым и таким механическим, словно его смоделировали на синтезаторе.

– Согласно правилам нашего фонда, – сказал Усикава, – подобные вопросы обсуждаются сугубо индивидуально. Тогда, если не возражаете, я pošлю все необходимые документы почтой, они придут к вам через несколько дней...

– Можно и так, – отозвался мужчина. И повесил трубку.

От разговора этого Усикава ничуть не расстроился, ибо на беседу с хозяйкой даже и не рассчитывал. Он хотел знать лишь одно: какие меры принимает старуха для защиты своей частной жизни. Теперь ясно, что меры эти – самые радикальные. Несколько человек, живущих с нею под одной крышей, делают все, чтобы оградить ее от любых вторжений извне. Это понятно даже по интонации, с которой говорил мужчина в трубке – видно, ее секретарь. Да, ее имя есть в телефонном справочнике. Но общаться с ней напрямую может лишь очень ограниченное число людей. Всех же остальных выкидывают вон, как угодивших в сахарницу муравьев.

Делая вид, что подыскивает жилье в аренду, Усикава обошел риелторские конторы в Адзабу и попробовал навести справки о доме, в котором устроен приют. Но почти никто не знал, что по этому адресу вообще проживают люди. Вокруг громоздились сплошные элитные билдинги. И каждая контора предлагала исключительно дорогие варианты; до какой-то дряхлой деревянной двухэтажки никому и дела не было. При одном взгляде на лицо и одежду Усикавы местные риелторы тут же теряли к нему всякий интерес. Скорее, с ним обращались как с паршивой псиной, вымокшей под дождем: раз уж прошмыгнула в дверь, так пускай хоть немного согреется.

Уже совсем отчаявшись, Усикава вдруг наткнулся на совсем крошечную фирму по сдаче недвижимости, окопавшуюся в этом районе, как видно, уже очень давно. Старичок с пожелтевшим лицом, дежуривший за конторкой, в ответ на вопрос закивал – «Ах, вы об этом!» – и охотно выложил все, что мог. Этот человек, похожий на высохшую второсортную мумию, знал обо всем, что происходит в округе, и просто-таки жаждал кому-нибудь об этом рассказать.

– Этот домик принадлежит супруге господина Огаты, да-да... А раньше его сдавали. Зачем его выкупил господин Огата, не знаю. Уж он-то не из тех, кто жил со сдачи квартир. Может, селил там свою прислугу, точно сказать не могу. А сейчас там, кажется, какой-то монастырь для беглых жен, которых мужья поколачивают... В общем, нашего брата риелтора такая развалюха не прокормит, это уж точно!

Не открывая рта, старик залился смехом, напоминаявшим дробь дятла в лесу.

– Вон как... Монастырь, говорите? – переспросил Усикава, протягивая дедуле «Севен старз». Тот охотно взял сигарету, прикурил от предложенной зажигалки и затянулся так смачно, словно и сигарета получала от его затяжки не меньшее удовольствие.

– Ну, в общем, там прячутся жены, сбежавшие от мужей, которые им намяли бока или расквасили физиономию. За постой, понятно, с побитых не берут...

– Значит, хозяйка занимается благотворительностью? – уточнил Усикава.

– Ну да, вроде того. Домишко пустует, вот она и решила помогать тем, кто нуждается. А что? С ее-то деньгами все эти расходы – пыль дорожная; чем хочет, тем и занимается. Не то что мы, простаки...

– Но почему госпожа Огата занялась именно этим? У нее что, какие-то личные мотивы?
– Да кто ж их, богатых, разберет. Может, она так развлекается.

– Ну, если она развлекается тем, что спасает людей, это дело хорошее, верно? – широко улыбнулся Усикава. – Не всякий богач станет тратить лишние деньги на помощь тем, кто в беде.

– Ну, если так рассуждать – наверно, и правда дело хорошее. Я-то свою женушку, каюсь, тоже поколачивал, бывало. Не то чтобы со всей силы – так, по-легкому...

И старик, открыв беззубый рот, засмеялся так, будто поколачивать собственную жену было отдельной радостью его жизни.

– Сколько же народу там сейчас обитает? – спросил Усикава.

– Вообще-то я каждое утро мимо прохожу, но снаружи ничего не видать. Но по несколько женщин живет постоянно. Видать, мужиков, которые бьют своих жен, на этом свете пока хватает...

– Людей, которые этому свету вредят, всегда больше тех, кто ему полезен.

Старик, раскрыв рот, опять засмеялся.

– Это верно! Тех, кто делает зло, всегда больше тех, кто творит добро.

Как ни странно, старику Усикава, похоже, чем-то понравился. Но сам Усикава все не мог успокоиться.

– А что, вообще, за женщина эта госпожа Огата?

– Жена господина Огаты? Да толком не разобрать... – Старик вдруг насупился и стал похож на призрак засохшего дерева. – Уж больно неприметно живет. Я здесь много лет контору держу, но видел ее очень редко, да и то издалека. Из усадьбы она выбирается только на машине с шофером, а за покупками для нее ходят девчонки из прислуги. Еще у нее на службе мужик – секретарь, что ли. Заведует ее делами. А сама она – дочка богачей, настоящая богема. С нами, нищелюдьми, общаться ей не пристало...

Старик сморщился – и уже из морщин подмигнул Усикаве. Очевидно, записав в армию «нас, нищелюдей» как себя, так и своего собеседника.

– И давно она укрывает избитых жен? – спросил Усикава.

– Ох, точно не скажу. Я ведь сам про этот монастырь для беглых жен от других услышал. Как давно, говорите? Помнится, жизнь там зашевелилась года четыре назад... Ну, может, лет пять, где-то так. – Старик взял чашку и отпил холодного зеленого чая. – Поставили большие ворота с засовом, двор начали охранять. Да оно и понятно. Все-таки укрытие. Разве укроешься там, куда может зайти кто попало?..

На этих словах старик как будто очнулся и пытливым взглядом взглянул на Усикаву.

– Так вы, что же, ищите доступное жилье?

– Совершенно верно.

– Тогда вам лучше поискать где-нибудь еще. Здесь вокруг сплошь особняки. Если что и сдают, так только дорогие апартаменты для иностранцев, которые в посольствах служат. Раньше-то в этих местах обычные люди жили, совсем не богачи. И сдавали, и снимали. Так и работалось помаленьку. А теперь все не так... Теперь, боюсь, контору нашу закрыть придется. В центре Токио цены на землю – хоть волком вой; таким муравьиным конторкам, как мы, просто не выжить. Если у вас нет лишних денег, лучше поищите в других районах.

– Так и сделаю, – кивнул Усикава. – Лишних денег у меня, к сожалению, нет. Придется поискать где-нибудь еще...

Старик затаился, задержал дыхание – и мощной струей выпустил дым изо рта.

– И когда госпожа Огата помрет, особняк ее сразу исчезнет. Сынок-то у нее – человек серьезный, не станет держать столько земли впустую забавы ради. Тут же снесет все до основания, да построит элитный многоквартирный дом. Наверняка уже сейчас все планы да чертежи подготовил.

– И вся эта благодать, что здесь прямо в воздухе разлита, сразу исчезнет, верно?

– А то как же! Ничего не останется.

– А чем ее сын занимается?

– В основном недвижимостью. Тем же, что и мы. Только разница между нами – как между небом и землей. Или между «Роллс-Ройсом» и самокатом. Фирма у него огромная, местной землей вертит так, что снимает с супа весь навар. А нам, простым работягам, даже обедков с их стола не достается. Куда катится белый свет?

– Я там недавно проходил мимо. Красивая усадьба – невольно залюбуешься...

– Да, пожалуй, это самый благородный дом в округе. Как подумаю, что такие прекрасные ивы посрубают под корень, прямо сердце сжимается. – Старик с горечью покачал головой. – Так что дай бог госпоже Огате пожить подольше...

– И не говорите, – согласился Усикава.

Усикава позвонил в «Консультацию для женщин – жертв бытового насилия». К его удивлению, именно такое название значилось в телефонном справочнике. Коллектив этой некоммерческой организации состоял из нескольких опытных адвокатов, да еще с десятков добровольцев помогали вести дела. Приют госпожи Огаты взаимодействовал с ними напрямую, принимая женщин, которые сбежали из дома, но не знали, куда идти. На сей раз Усикава попросил аудиенции от имени своей настоящей конторы – «Фонда поддержки искусства и науки новой Японии», ибо нутром чуял, что разговор может запросто коснуться вопроса о материальной поддержке. И договорился о времени встречи.

При встрече он тут же передал собеседнику свою визитку (такую же, какую вручил Тэнго) и сообщил, что его фонд занимается поощрением организаций, работающих на благо японского общества. И что в их список кандидатов попала «Консультация для женщин – жертв бытового насилия». Хотя сам Усикава не вправе раскрывать имя спонсора, стипендиат, получивший эти деньги, может распоряжаться ими по своему усмотрению – и помимо того, что в конце года напишет краткий отчет, никакими обязательствами не скован.

Собеседник Усикавы – молодой адвокат – оглядел его с головы до ног и не пришел в восторг от увиденного. Да, внешность Усикавы к доверию не располагала. Но средства были скромные, и приходилось улыбаться любому, кто предлагал хоть какую-то помощь. Отставив личные сомнения в сторону, адвокат пригласил Усикаву за столик для посетителей.

– Прежде всего, – сказал Усикава, – хотелось бы узнать подробнее о деятельности вашей организации.

И адвокат поведал ему, как была создана их «Консультация», чем она занимается и каким образом они, адвокаты, перешли сюда, оставив другие хлеба. Слушая все это, Усикава в душе невыносимо скучал, но продолжал делать вид, что страшно интересуется рассказом. Прищелкивал языком, кивал, строил сочувственную мину. В результате адвокат понемногу успокоился и, как видно, решил, что Усикава – человек вполне достойный, несмотря на внешний вид.

И тогда Усикава аккуратно перевел разговор на тему приюта.

– Куда же деваются бедные женщины, которым некуда больше идти? – поинтересовался он. С таким выражением, словно искренне беспокоился о судьбах тех, кого жизнь завертела, точно палые листья на холодном осеннем ветру.

– Для этих случаев у нас открыты специальные прибежища, – ответил ему адвокат.

– Прибежища? В каком смысле?

– Временные приюты, если угодно. Их немного, но все они предоставлены различными благотворителями. Один из наших спонсоров даже пожертвовал для этого небольшой многоквартирный дом.

– Многоквартирный? – якобы удивился Усикава. – Неужто в нашем обществе еще встречаются такие добрые самаритяне?

– О да! Когда о нашей «Консультации» упоминают в газетах или журналах, нам начинают звонить люди, которые предлагают помощь. Без их помощи наша организация, к сожалению, просто не выжила бы. Ведь мы существуем исключительно на добровольные пожертвования.

– Мне кажется, вы делаете очень большое и нужное дело, – проникновенно сказал Усикава.

По лицу адвоката расплылась наивно-беззащитная улыбка. И Усикава напомнил себе, что лучший момент для маневра – когда противник убежден в своей правоте.

– И сколько женщин проживает в этом многоквартирном доме?

– Бывает по-разному, но в среднем человек пять, – ответил адвокат.

– Кстати, насчет спонсора этого дома, – напирал Усикава. – Что заставило его это сделать? У него были какие-то особые мотивы?

Адвокат покачал головой:

– Не могу знать. Но подобной благотворительностью этот человек занимался и раньше – исключительно по личной инициативе. Как бы то ни было, нам остается только с благодарностью пользоваться его щедростью. Нам ничего не объясняют, мы ничего не спрашиваем.

– Очень разумно, – кивнул Усикава. – И адрес этого приюта, конечно, тоже не разглашается?

– Разумеется. Бедным женщинам необходима полная безопасность. Да и спонсоры, как правило, желают оставаться анонимами. Все-таки мы имеем дело с последствиями актов насилия.

Они поговорили еще немного, но больше ничего конкретного из адвоката выдать не удалось. В итоге Усикава понял следующее: «Консультация для женщин – жертв бытового насилия» официально открылась четыре года назад; вскоре после открытия им позвонил некий «спонсор» и предложил многоквартирный дом в качестве приюта. О существовании «Консультации» он узнал из газеты, которая написала о них заметку. Главное условие сотрудничества – полная анонимность благотворителя. Но под конец разговора Усикава уже ни капельки не сомневался в том, что этот «спонсор» – хозяйка особняка в Адзабу, а для приюта используется деревянный домишко на задворках того же района.

– Спасибо за ваше бесценное время, – сердечно поблагодарил Усикава молодого адвоката-идеалиста. – На мой взгляд, вы занимаетесь очень нужной и полезной работой. На очередном заседании фонда я расскажу о нашей беседе членам правления – и уже вскорости извещу вас об их решении. Искренне желаю успеха вашему предприятию.

Вслед за этим Усикава попробовал раскопать обстоятельства смерти старухиной дочери. Вышла замуж за чиновника из Министерства транспорта. Умерла в тридцать шесть. Причина смерти не установлена. Вскоре после ее кончины муж оставил госслужбу. Это все, что Усикаве удалось разузнать. Почему ушел из министерства – неясно, что делал потом – неизвестно. Возможно, его отставка как-то связана со смертью жены, а возможно – никак и не связана. Министерство транспорта не предоставляет рядовым гражданам сведений о своих внутренних передвижениях. Но Усикава обладал поистине змеиным чутьем. И чувствовал: *что-то не так*. Поверить в то, что элитный чиновник, скорбя по ушедшей жене, оставил высокий пост и скрылся от светской жизни, у него не получалось, хоть убей.

Насколько Усикаве было известно, не так уж много женщин в тридцать шесть лет умирает из-за болезни. То есть, конечно, всякое бывает. Разные хвори уносят людей на тот свет в любом возрасте – совершенно независимо от их капиталов. Рак, саркома мозга, перитонит, пневмония и так далее. Человеческий организм – слишком хрупкая и ненадежная штука. И тем не менее, когда в тридцать шесть лет на тот свет отправляется женщина из материально обеспеченного семейства, виной тому чаще всего не болезнь, а несчастный случай или самоубийство.

Итак, выдвинем гипотезу, рассуждал Усикава. Затем возьмем пресловутую «бритву Оккама», отсечем ею все ненужные факторы, выстроим все разрозненные связи в последовательную цепочку – и поглядим, что получится.

Предположим, дочь хозяйки усадьбы не умерла от болезни, а покончила с собой, допустил Усикава и с азартом потер ладони. Выдать самоубийство за смерть от болезни, в принципе, не так уж и сложно. По крайней мере, для людей влиятельных и богатых. Тогда следующим шагом предположим, что старухина дочь наложилась на себя руки от отчаяния, не выдержав постоянных побоев от мужа. В этом тоже ничего невозможного нет. Ни для кого не секрет, что большой процент так называемой «элиты» – куда больше, чем в среднем классе, – состоит из невыносимых истериков и тайных извращенцев.

И если допустить, что все так и случилось, – как бы повела себя мать погибшей, хозяйка усадьбы? Примирилась бы – мол, судьба, никуда не деться? Ох, вряд ли. Скорее всего, очень сильно захотела бы сполна отомстить виновнику смерти дочери... Теперь-то Усикава уже примерно представлял себе, что она за человек. Эта старая женщина бесстрашна, мудра и чертовски прозорлива. Если что задумала – выполнит, каких бы денег и усилий ей это ни стоило. Позволить спокойно ходить по земле человеку, который надругался над самым святым и свел ее дочь в могилу, она никак не могла.

Как именно старуха отомстила зятю, Усикава разнюхать не смог. Муж ее дочери словно растаял в воздухе, не оставив буквально никаких следов. Вряд ли, конечно, она лишила его жизни. Слишком уж осторожна и хладнокровна. Опять же, кругозор широкий. На откровенное убийство не пошла бы, это уж точно. Но какие-то очень суровые меры приняла наверняка. Да так, что и не заподозришь теперь ни в чем.

Но гнев и отчаянье матери, потерявшей дочь, одной лишь мстью не утолить. Однажды она читает в газете о деятельности «Консультации для женщин – жертв бытового насилия» и решает этой организации помочь. Звонит в «Консультацию» и сообщает, что у нее есть дом, она его все равно не сдает – и готова бесплатно предоставить как временный приют для обездоленных жен. Раньше она уже использовала его для подобных целей, и что для этого нужно, представляет неплохо. Единственное условие – ее имя не должно упоминаться ни вслух, ни в каких-либо документах. Разумеется, адвокаты «Консультации» с благодарностью хватаются за это предложение. Ее чувство мести получает официальный статус, расширяет сферу действия и обращается в позитив. Удобный случай плюс осознанная мотивация.

Пока все выстраивалось вполне логично, хотя никаких конкретных доказательств не было. Гипотеза, основанная на цепочке предположений. Усикава облизнул губы и довольно потер руки. Но все-таки эта логика заводила его в туман.

Ибо дальше старая мадам знакомится в спорт-клубе с инструкторшей по фамилии Аомамэ. При каких обстоятельствах – бог его знает, но женщины заключают некое тайное соглашение. В результате старуха, тщательно все спланировав, засылает Аомамэ в номер гостиницы «Окура», чтобы прикончить лидера секты «Авангард». Каким способом – непонятно. Вполне возможно, Аомамэ владеет техникой убивать людей как-нибудь по-особенному. В итоге она отправляет Лидера на тот свет, невзирая на всю его охрану из опытных боевиков.

До этой стадии рассуждений все еще как-то сходилась. Но стоило задаться вопросом, что может связывать лидера «Авангарда» с «Консультацией для женщин – жертв бытового насилия», как мысль Усикавы упиралась в стену, и неумолимая бритва отсекала любые попытки предположить что-либо еще.

Итак, секта требует, чтобы Усикава ответил на два вопроса. Первый – кто заказал убийство Лидера, и второй – где сейчас Аомамэ.

Подноготную Аомамэ в свое время раскапывал сам Усикава. Подобные расследования он проводил уже не раз. Привычная, рутинная работа. И вывод о том, что за массажисткой из спорт-клуба нет ничего подозрительного, также принадлежал ему. С какой стороны ни копни, девица казалась «чистой». О чем он и сообщил руководству секты. Именно поэтому ее пригласили в номер отеля «Окура» и доверили сделать Лидеру массаж. После ее ухода Лидера обнаружили мертвым. А сама она исчезла, как дым на ветру. Понятно, что теперь Усикавой, мягко сказать, весьма недовольны: выходило, порученное ему расследование он выполнил спустя рукава.

Хотя на самом деле он разведаль об этой женщине все, что возможно. Как Усикава и сказал Бонзе, промахов в работе он не допускает. Единственный недосмотр – в том, что он не проверил заранее историю звонков Аомамэ. Но такую проверку он обычно производил, если к тому были веские основания. А в случае с массажисткой ничего подозрительного не наблюдалось.

Но как бы там ни было, долго испытывать недовольство секты не годится. Платят они хорошо, но шутить с такими типами – опасно для жизни. Уже то, что Усикава знает, куда дели труп Лидера, им не по нутру. Поэтому крайне важно дать им понять, что он – ценный специалист, которого гораздо выгоднее оставить в живых. И этой нехитрой истине нужно срочно найти подтверждение.

Никаких доказательств причастности старухи в Адзабу к убийству Лидера нет. Сплошные предположения. Но в недрах просторной усадьбы за роскошными ивами скрывается некая мрачная тайна. Усикава чуял это кишками. Раскрыть эту тайну теперь предстоит ему одному. И это будет ох как непросто. Оборону противника держат настоящие профессионалы.

Якудза?

Все может быть. Воротилы большого бизнеса – и особенно торговцы недвижимостью – частенько заключают сделки с якудзой так, что не видно постороннему глазу, и всю грязную работу поручают «людям со шрамами». В принципе, их услугами могла бы пользоваться и госпожа Огата. Но Усикава в это не верил. Слишком прилично она воспитана, чтобы водиться с такой компанией. А кроме того, очень сложно представить, чтобы подобные молодцы охраняли приют для жен, пострадавших от бытового насилия. Скорее, у нее какая-то своя, независимая и безупречно организованная служба охраны. Конечно, недешево, но денег у старухи куры не клюют. И вполне возможно, при необходимости эта служба обеспечивает не только оборону, но и нападение.

Если гипотеза Усикавы верна, Аомамэ сейчас прячется в каком-нибудь далеком убежище под крылышком старухи Огаты. Все ее следы аккуратно замечены, и живет она другой жизнью под совершенно иной фамилией. Не исключено, что и выглядит уже совсем не так. В этом случае любое расследование, на которое способен Усикава, зайдет в тупик, ибо найти ее практически невозможно.

Остается копать еще глубже под старуху в Адзабу. Отыскать в ее обороне какую-нибудь брешь – и уже оттуда вытащить на свет божий информацию об Аомамэ. Может, получится – а может, и нет. Своими лучшими качествами Усикава считал острый нюх и настырность при достижении цели. «Чем еще я мог бы похвастаться? – спрашивал он себя. – За что меня стоило бы похвалить?»

Не за что, уверенно отвечал он себе же.

Глава 5

АОМАМЭ

Как бы вы ни затаились

Жить одной в закрытом пространстве Аомамэ не так уж и сложно. Подъем в шесть утра, завтрак. Примерно с час – стирка, глажка, уборка в квартире. Оставшиеся полтора часа до обеда – упорные, до седьмого пота, занятия на тренажерах. Из своей многолетней практики она отлично знает, какие мышцы как напрягать и когда остановиться, чтобы себе же не навредить.

Обедает она в основном овощами и фруктами. Затем, как правило, сидит на диване с книгой, пока ее не сморит короткий полуденный сон. Проснувшись, час готовит ужин, до шести вечера его съедает. Начинает темнеть – она выходит на балкон, садится в пластиковое кресло и смотрит на детскую площадку. В пол-одиннадцатого отправляется спать. И так каждый день. Но от такой жизни ей не скучно.

По характеру она молчунья. Даже если долго ни с кем не общается, чувствует себя вполне комфортно. В школе с одноклассниками не разговаривала совсем. Точнее, никто не заговаривал с нею без крайней нужды. В классе ее считали непонятным, инородным существом, которое следует игнорировать. Ей самой, разумеется, это казалось жуткой несправедливостью. Будь она в чем-то виновата сама – еще, возможно, смирилась бы. Но в проклятой «инородности» ее вины не было. Чтобы вырасти, любой ребенок должен делать то, что велят родители. Вот почему ей приходилось всякий раз молиться перед едой, каждое воскресенье таскаться по улицам вслед за матерью, пытавшейся обратить людей в свою веру, бойкотировать школьные экскурсии в синтоистские храмы и рождественские утренники, а также носить одежду с чужого плеча. Она просто выполняла волю родителей, послушаться которых нельзя. Но одноклассники, разумеется, о том ничего не знали и знать не хотели. Они просто чурались ее, вот и все. И даже учителя держались с ней так, будто она мешала жить всему классу.

Конечно, она могла бы врать родителям. Говорить, что молится в школе перед едой, а на самом деле не молиться. Но поступать так Аомамэ не хотела. Во-первых, не желала обманывать Бога – неважно, есть он там на Небесах или нет; а во-вторых, должна была насолить обидчикам. Чураетесь меня? Ну, тогда держите еще. Вот вам мой вызов: я буду молиться в столовой, громко и внятно, чтобы вы подавились этой молитвой. Потому что справедливость на моей стороне.

Одеваясь по утрам, она жутко страдала. Стыд за свои обноски напрягал ее так, что сборы в школу часто заканчивались поносом, а то и рвотой. Поднималась температура, немели конечности. Но при этом она не пропускала ни дня учебы. Потому что знала: прогуляешь день – захочется прогуливать и дальше. А еще через несколько дней ее в школу уже и палкой не заставишь. Но для одноклассников и учителей это будет значить только одно: она сдалась. Если она перестанет появляться в классе, все вздохнут с облегчением. Нет уж! Такой радости вы от меня не дождетесь, повторяла она про себя. И тащила в школу, как бы паршиво себя ни чувствовала. Молча и стиснув зубы.

После всего, что ей пришлось пережить тогда, нынешнее одиночество вовсе не тяготит ее. Насколько тяжело ей было молчать, когда все вокруг весело болтали друг с другом, – настолько же легко и естественно молчать сейчас, в этой тихой уютной квартире, где, кроме нее, ни единой живой души. Тем более, когда есть книги. Она уже взялась за Пруста, которого прислал ей Тамару. Но читать старается не больше двадцати страниц в день. Засекает время и проглатывает, слово за словом, ровно двадцать страниц. А потом берет какую-нибудь другую книгу. Но перед сном обязательно пробегаает глазами хотя бы несколько страниц «Воздушного Кокона».

Ведь этот текст написал Тэнго, и в каком-то смысле это инструкция по выживанию в реальности 1Q84 года.

Еще она слушает музыку. Хозяйка прислала ей целый ящик кассет. Чего там только нет – симфонии Малера, камерные концерты Гайдна, клавиры Баха. И, конечно, «Симфониетта» Яначека, о которой она просила. «Симфониетту» она слушает регулярно, раз в день, когда проводит свои безмолвные тренировки.

Осень плавно подходит к концу. Аомамэ кажется, будто день ото дня ее тело становится все прозрачнее. Насколько возможно, она старается ни о чем конкретно не думать. Но это у нее, конечно же, получается плохо. Любая пустота обязательно чем-нибудь заполняется. Но сейчас ей хотя бы нет нужды кого-либо ненавидеть. Вокруг – ни одноклассников, ни учителей. И сама она больше не беспомощный ребенок, которому навязывают чью-то веру. Нет нужды всеми кишками ненавидеть мужчин, избивающих собственных жен. Безудержный гнев, то и дело вскипавший в ней ранее – с такой силой, что она готова была разможить кулаки о стену, – незаметно куда-то исчез и больше не возвращался. Чему Аомамэ очень рада. Она больше не хочет причинять боль кому бы то ни было. Равно как и делать больно себе.

Ночью, когда Аомамэ не может заснуть, она думает о Тамаки и Аюми. Закрыв глаза, отчетливо вспоминает, как обнимала их. У каждой было мягкое, теплое тело. В котором текла свежая кровь и уверенно билось сердце. Они едва уловимо дышали, еле слышно хихикали. Тонкие пальцы, набухшие соски, гладкие бедра...

Только на этом свете их больше нет.

Бесшумно и незаметно сердце Аомамэ наполняется печалью, словно темной водой. В такие минуты она изо всех сил старается переключиться на мысли о Тэнго. Сосредоточенно вспоминает, как в классе после уроков сжимала руку десятилетнего мальчика. Затем представляет, как уже тридцатилетний Тэнго – взрослый и сильный – сидит на детской горке и сжимает ее в объятиях.

Он – где-то совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки.

Неужели я и правда смогу к нему прикоснуться? Зажмурившись в темноте, Аомамэ растворяется в этих мечтах и буквально тает от счастья.

Но если я больше никогда не увижу его – *что же мне делать?* Ее бросает в дрожь. Раньше, пока их взрослые судьбы не пересеклись, все было гораздо проще. Встреча с ним представлялась ей просто мечтой, метафизической гипотезой, и не больше. Но теперь, когда она увидела Тэнго *настоящего*, сам факт его существования стал для нее куда весомей, неоспоримее. Теперь она хочет, чтобы их встреча состоялась, чего бы это ни стоило. Чтобы он обнял Аомамэ крепко-крепко и заласкал до изнеможения. От мысли, что они могут уже и не встретиться, сердце чуть не выскакивает из груди.

А может, там, под рекламой «Эссо», стоило просто пустить себе пулю в голову? Уж тогда бы точно не пришлось путаться во всех этих бесконечных сомнениях. Но спустить курок она не смогла. Потому что услышала голос – который позвал ее откуда-то издалека. *Она еще может увидеться с Тэнго.* Мысль об этом взорвалась в голове и заставила Аомамэ жить дальше. Даже если, по словам Лидера, над Тэнго нависнет смертельная опасность, наложить на себя руки она теперь не могла. Пробудившаяся в ней воля к жизни оказалась сильнее всякой логики. Желание снова увидеть Тэнго двигало ею, как жажда – столь же отчаянная, сколь и неутолимая.

Вот как все вертится, понимает она. Человеку даруется надежда, и он использует ее как топливо, чтобы жить дальше. Без надежды никакое «дальше» невозможно. Но это же как с монетой! Что выпадет – орел или решка, – не узнаешь, пока монета не упадет... Ее сердце сжимается так, что ноет все тело.

Аомамэ садится за кухонный стол, берет пистолет. Оттягивает затвор, засылает патрон в патронник, взводит большим пальцем курок и вставляет дуло в рот. Чуть напряги указатель-

ный палец – и проклятым вопросам тут же придет конец. Осталось совсем немного: всего сантиметр – нет, даже полсантиметра – до того, как палец нажмет на скобу, и я перенесусь в мир тишины и покоя. Боль придет лишь на миг, а потом меня поглотит милосердное Му.

Аомамэ закрывает глаза. Тигренек рекламы «Эссо», улыбаясь, призывно машет заправочным пистолетом. «Нашего тигра – в ваш бензобак»...

Вынув твердый металл изо рта, она медленно качает головой.

Умереть не получается. Перед глазами – парк, в парке – детская горка. И пока остается надежда на то, что Тэнго еще вернется сюда, спустить курок не удастся. Возможность их встречи останавливает ее на самом краю. Кажется, будто в душе у нее одна дверь закрылась, а другая открылась. Спокойно, без единого звука. Аомамэ вновь оттягивает затвор, вынимает патрон, ставит пистолет на предохранитель и опять кладет на стол. А потом закрывает глаза – и видит, как нечто большое и светлое миг за мигом исчезает в наползающей темноте. Нечто похожее на сияющую пыльцу. Но что это – она не знает.

Сев на диван, она пробует сосредоточиться на странице томика «По направлению к Свану». Старается представить описанные в книге события и отогнать все прочие мысли. За окном начинается холодный дождик. Если верить прогнозу по радио, так и будет накрапывать до утра. Поздней осенью дождь выстраивает фронт над океаном и никак не проявляет себя в нашей жизни. Примерно как человек, который забыл о времени, утонув в своих мыслях.

Неужели Тэнго никогда не придет? Небо затянуто тучами так плотно, что лун не видать. Но Аомамэ все равно сядет на балконе и, потягивая горячее какао, станет наблюдать за парком дальше. С биноклем на коленях и пистолетом под рукой, одетая так, чтобы выбежать из дому сразу, как только понадобится, – она будет следить за детской площадкой. Ибо никакое больше занятие для нее не имеет смысла.

В три часа дня раздается звонок домофона. Кто-то хочет, чтобы его впустили в подъезд. Аомамэ, понятно, не отвечает. В гости она никого не ждет. Собравшись выпить чаю, она поставила чайник, но теперь на всякий случай выключает газ и ждет, что дальше. Домофон издает три-четыре трели, затем смолкает.

Через пять минут звонят снова. На этот раз – уже в дверь. Видимо, неизвестный *кто-то* умудрился проникнуть в здание и стоит теперь прямо перед ее квартирой. Скорее всего, прошмыгнул в подъезд за кем-нибудь из жильцов. Или набрал номер другой квартиры да насочинял чего поубедительней, чтобы его впустили. Аомамэ, разумеется, не реагирует. «Кто бы ни звонил – не отвечай, запри дверь на засов и затаись как мышь». Так ей велел Тамару.

Дверной звонок протрезвонил, наверно, раз десять. Для рекламных агентов – слишком назойливо. Эти персонажи звонят не больше трех раз. Аомамэ по-прежнему не отвечает, и тогда в дверь стучат кулаком. Не очень громко, но настойчиво и раздраженно.

– Господин Такаи! – слышится густой голос мужчины лет сорока. Низкий и с хрипотцой. – Господин Такаи, добрый день! Вы можете выйти?

Фамилия «Такаи» была придумана исключительно для того, чтобы подписать табличку на почтовом ящике у подъезда.

– Господин Такаи, простите за беспокойство! Вы не могли бы выйти? Прошу вас!

Мужчина выдерживает паузу, прислушивается. И, не дождавшись ответа, барабанит в дверь пуще прежнего.

– Господин Такаи, я знаю, что вы дома! Лучше откройте по-хорошему! Вы дома и прекрасно меня слышите!

Аомамэ берет со стола пистолет, снимает с предохранителя. И, стиснув пальцами рукоятку, заматывает оружие полотенцем.

Кто этот человек и чего он хочет, ей неизвестно. Но почему-то он разговаривает с ней как с врагом, да еще и требует, чтобы ему открыли. Радоваться таким гостям неохота.

Наконец стук в дверь обрывается, и голос мужчины вновь разносится по лестничной клетке.

– Господин Такаи, я пришел востребовать с вас абонентские взносы за телевидение «Эн-эйч-кей»! Да-да, то самое «Эн-эйч-кей», которым пользуется вся страна! Я знаю, что вы дома, можете не прятаться. Я на этой работе уже много лет. И умею различать, когда дома действительно никого, а когда хозяева только прикидываются, что их нет. Как бы вы ни затаились, у любого человека есть аура. Ваши легкие дышат, сердце бьется, а желудок переваривает пищу. И сейчас, господин Такаи, вы у себя в квартире. Ждете, когда я махну рукой и уйду. Не желаете ни отвечать, ни дверь открывать. Потому что не хотите уплачивать взносы.

Мужчина говорит очень громко – сверх всякой необходимости. Его голос разносится по всему дому. Он делает это умышленно. Выкрикивает имя хозяина, срамит его, проклиная – так, чтобы слышали соседи. Разумеется, Аомамэ молчит. Не отзываться же такому придурку. Она снова кладет пистолет на стол, но – на всякий случай – не ставит на предохранитель. Совсем не исключено, что под маской человека из «Эн-эйч-кей» к ней явился кто-то другой. Не вставая со стула в кухне, она смотрит через прихожую на входную дверь.

Очень хочется встать со стула, подкрасться к двери и посмотреть в глазок. Проверить, как выглядит неожиданный визитер. Но Аомамэ сидит. Лучше не делать лишних движений. Скоро он уберется восвояси.

Но мужчина, похоже, решил отыграть спектакль до конца:

– Господин Такаи, хватит играть в прятки! Думаете, мне самому очень нравится вас уговаривать? Я человек занятой, у меня каждая минута на счету! Господин Такаи, вы же любите смотреть телевизор. А каждый, кто смотрит телевизор, должен платить за пользование каналами «Эн-эйч-кей»! Нравится это вам или нет, но так написано в наших законах. Кто не платит – вор и мошенник. Я надеюсь, вы не хотите, чтобы вас считали вором? Раз уж живете в таком роскошном доме, значит, и на оплату телевидения деньги найдутся, правда? Или вам нравится, что о ваших проблемах знают все соседи?

О чем бы ни кричал на весь дом энэйчкеевец, – у себя дома Аомамэ бы и бровью не повела. Но сейчас она прячется от посторонних глаз, и привлекать внимание окружающих ей совсем ни к чему. С другой стороны, что она может сделать? Только и остается затаить дыхание и ждать, пока придурок не уйдет.

– Господин Такаи, уж простите за назойливость, но я все знаю. Вы дома, и вы очень внимательно слушаете, что я говорю. А еще вы думаете: почему этот тип кричит перед моей дверью? Хороший вопрос, господин Такаи! И действительно, почему? Может, потому, что я не очень люблю, когда люди притворяются, будто их нет в собственном доме? Есть в этом что-то подлое, вам не кажется? Не хотите платить за «Эн-эйч-кей» – так откройте и скажите мне это в лицо. Вам же легче станет! А уж как мне полегчает, я даже описать не могу. Вот тогда и поговорили бы, как уважаемые люди. А то прячетесь в своей норе, точно жадная мышь, и выходите на свет божий, лишь когда вас никто не видит. Не годится так жить, ей-богу!

А ведь мужик врет, понимает Аомамэ. Никакой «ауры» хозяина он не различает – просто разыгрывает свой обычный спектакль. Сидя на стуле, я не издаю ни звука, дышу совершенно неслышно. Задача этого клоуна – где придется, перед чьей угодно квартирой закатить скандал, да погромче, чтобы запугать жильцов вокруг. Чтобы каждый предпочел заплатить эти чертовы взносы, лишь бы не слышать такие же вопли перед собственной дверью. Подобные концерты он то и дело закатывает где ни попадя, и это наверняка приносит свой результат.

– Представляю, господин Такаи, как вам от меня неуютно. Отлично вас понимаю! Да, я человек неприятный, и сам это знаю. Только учтите, господин Такаи, среди тех, кто собирает долги, приятных людей не бывает. И знаете почему? А потому, что на свете слишком много тех, кто решил не платить за телевидение «Эн-эйч-кей». Я бы, может, и сам с удовольствием ответил таким людям: «Не хотите платить? Ну что ж, понимаю. Извините за беспокойство».

А потом развернулся и пошел бы своей дорогой. Но так отвечать не годится. Во-первых, собирать взносы – моя работа, а во-вторых, очень уж я не люблю, когда хозяева притворяются, будто их нет дома...

Он снова делает паузу. А потом еще раз десять колотит в дверь.

– Господин Такаи! Вам еще не надоело? Или вы не кажетесь себе вором? Подумайте хорошенько. Сумма-то совсем небольшая. Только и можно скромненько пообедать в семейном ресторане! А заплатите взнос – сотрете с себя клеймо вора. Никто не будет позорить вас на весь дом и стучать в вашу дверь. Сейчас вы прячетесь там, я знаю. И надеетесь, что сможете скрываться так до скончания века и вас никто не найдет. Что ж, скрывайтесь. Но учтите: как бы вы ни таились, как бы ни ходили на цыпочках, кто-нибудь обязательно вас найдет. Хитрить до бесконечности невозможно. Подумайте сами. По всей Японии люди гораздо беднее вас каждый месяц исправно платят за свой телевизор. Даже по отношению к ним вы поступаете очень, очень несправедливо.

Пятнадцать ударов в дверь. Аомамэ считает.

– Я понял вас, господин Такаи. Вы очень упрямый человек. Ну, что ж. Сегодня я, так и быть, уйду. Просто не вправе тратить на вас одного столько времени. Но я еще вернусь, господин Такаи! Такой у меня характер. Если что решил, так просто не отступаю. И очень не люблю, когда притворяются, что дома никого нет. Так что ждите. В вашу дверь я еще постучу. И буду стучать, пока весь белый свет не услышит. Обещаю. Вот такой у нас с вами будет уговор. Не возражаете? Тогда до скорой встречи.

Шагов Аомамэ не слышит. Наверно, мужик носит ботинки на резиновых подошвах. Она ждет минут пять, затаив дыхание и глядя на дверь. С лестницы не доносится ни звука. Аомамэ подкрадывается к дверному глазку, осматривает лестничную клетку. Но не видит там ни души.

Она ставит пистолет на предохранитель. Несколько раз глубоко вздыхает, восстанавливая дыхание. Зажигает газ, кипятит воду, пьет чай. Обычный сборщик взносов из «Эн-эйч-кей», успокаивает она себя. И все-таки в его голосе слышалось что-то злобное и нездоровое. Кому адресована эта злоба – лично ей или мифическому господину Такаи – не разобрать. Но этот хриплый голос и настырный стук в дверь оставили очень неприятный осадок. Словно на коже по всему телу налипла какая-то слизь.

Аомамэ раздевается, принимает душ. Включает воду погорячей и тщательно, с мылом, моется с головы до ног. После душа переодевается. Настроение поднялось, ощущение склизкой кожи исчезло. Она садится на диван, допивает чай. Хочет почитать дальше книгу, но строчки расплываются перед глазами. А в ушах, будто эхо, вибрирует мужской голос: «Вы надеетесь, что сможете скрываться здесь до скончания века и вас никто не найдет. Что ж, скрывайтесь. Но учтите: как бы вы ни таились, как ни ходили на цыпочках, – кто-нибудь обязательно вас найдет».

Аомамэ качает головой. Да нет же. Мужик просто повторяет свою обычную мантру. Делал вид, что все знает, и кричит погромче, чтобы запугать весь дом. Обо мне ему ничегошеньки не известно. Ни что я сделала, ни почему я здесь. Только вот сердце почему-то никак не успокоится.

Как бы вы ни таились, как ни ходили на цыпочках, – кто-нибудь обязательно вас найдет.

Казалось, слова эти начинены каким-то особо тяжелым смыслом. Возможно, простое совпадение. Однако этот тип, похоже, слишком хорошо знал, что и как сказать, чтобы вывести ее из равновесия. Аомамэ откладывает книгу, откидывается на подушку дивана и закрывает глаза.

Где же ты ходишь, Тэнго? – думает она. И произносит вслух:

– Где же ты ходишь, Тэнго? Скорее найди меня. Пока этого не сделал кто-нибудь другой.

Глава 6 ТЭНГО

*Пальцы чешутся – к чему бы?*⁷

В маленьком приморском городке Тэнго вел очень размеренный образ жизни. Установленного распорядка старался не нарушать. Почему-то ему казалось это важным. Утром гулял, затем писал книгу, ехал в лечебницу, читал спящему в коме отцу, возвращался в гостиницу и ложился спать. День за днем повторялись – одинаковые, точно песни крестьян, засевающих рисом поля.

Несколько суток подряд вечерами было тепло, но потом настали поразительно холодные ночи. Несмотря на столь резкую смену погоды, Тэнго продолжал жить так, чтобы каждый нынешний день повторял предыдущий. Насколько это возможно, старался оставаться прозрачным и незаметным наблюдателем. Сдерживая дыхание, никак не проявляя себя, просто ждал *той самой минуты*. Разница между вчера и сегодня ощущалась все меньше. Прошла неделя, потом десять дней. Но Воздушный Кокон не появлялся. Каждый раз, когда отца увозили на очередное обследование, на его постели оставалась только пустая вмятина, повторявшая форму человеческого тела.

«А может, тому, что случилось, повториться больше не суждено? – думал Тэнго, покусывая губы в затопивших палату сумерках. – Может, это было какое-то уникальное, одноразовое явление? Или все это мне просто привиделось?» Но на эти вопросы ответов не приходило. До ушей доносились только рокот волн да шелест ветра в сосновой роще.

Тэнго не был уверен, что действует верно. Возможно, в этом приморском городишке за сто километров от Токио, в этой лечебнице, утратившей связь с реальностью, он просто теряет время. Но даже если и так, уехать отсюда сейчас он не мог. Ведь именно в этой палате ему явился Воздушный Кокон, а в нем – окутанная призрачным светом юная Аомамэ. Совсем близко, протяни руку – дотянешься. Даже если это случилось всего лишь раз, даже если было просто мимолетным видением – ему все равно хотелось, сидя здесь, вновь и вновь вспоминать эту потрясающую картину.

Когда стало ясно, что Тэнго не вернется сразу в Токио, а какое-то время поживет в городке, медсестры начали держаться с ним приветливее. Если выдавалась свободная минутка, болтали с ним о том о сем, а то и заглядывали в отцову палату его проводить. И даже иногда угощали чаем с конфетами. Тридцатипятилетняя Оокура с шариковой ручкой в волосах и розовощекая Адати с хвостиком на затылке ухаживали за отцом посменно. Сестра Тамура – средних лет, очки в золотой оправе – обычно дежурила в регистратуре, но когда не хватало рук, приходила и подменяла коллег у отцовой постели. Каждая из троих, похоже, проявляла к Тэнго личный интерес.

Тэнго тоже охотно общался с ними, когда позволяло время – за исключением вечеров, которые проводил у пустой кровати отца в одиночку. На их расспросы отвечал охотно и без утайки. О том, что преподает математику в колледже для абитуриентов – да еще подрабатывает статейками по заказам разных журналов. О том, что отец долго служил сборщиком взносов за телевидение «Эн-эйч-кей». О том, что в школе занимался дзюдо, а в старших классах даже вышел в финал чемпионата префектуры. Конечно, о многолетнем раздоре с отцом он расска-

⁷ «Пальцы чешутся – к чему бы? К посещению душегуба...» – фраза из сцены 1 акта IV трагедии Уильяма Шекспира «Макбет» (здесь и далее – перевод Б. Пастернака). Фразу произносит Вторая Ведьма, и под «душегубом» имеется в виду сам Макбет, который к этому моменту совершил два убийства.

зывать им не стал. Как и о матери, которая то ли умерла, то ли просто сбежала к другому, бросив мужа с маленьким Тэнго на руках. Такие истории, пожалуй, только осложнили бы общение. Ни о романе-бестселлере «Воздушный Кокон», ни о мире с двумя лунами в небесах он, понятно, также не обмолвился ни словечком.

Они тоже рассказали ему о себе. Все родились и выросли в этом городке, после школы поступили в училище и стали медсестрами. Работа в лечебнице по большей части однообразна и скучна, трудовой день долгий и ненормированный, но спасибо уже за то, что нашлась работа в родном городке, да и по сравнению с обычной больницей, где на твоих глазах каждый день кто-нибудь борется со смертью, стресса здесь гораздо меньше. Старички и старушки медленно, никуда не торопясь, теряют память и уходят из этого мира спокойно, не понимая, что с ними происходит. Кровавых операций им не делают, а боль облегчают препаратами до минимума. Никого не привозят посреди ночи на «Скорой», и безутешные родственники не рыдают ни у чьих постелей. Жизнь в городке недорогая, и даже при небольшой зарплате можно неплохо сводить концы с концами. У Тамуры (той, что в очках) пять лет назад муж погиб в ДТП, и теперь она живет в соседнем городке с матерью. Плечистая Оокура (с шариковой ручкой в волосах) растит двоих сыновей, а муж ее работает таксистом. Молоденькая Адати на пару с сестрой (парикмахершей, на три года старше) снимает квартиру в пригороде.

– Какой вы все-таки заботливый, Тэнго, – говорит Оокура, проверяя пластиковые мешочки на капельнице. – Каждый день приходите, читаете книги глубоко спящему человеку. На моей памяти, еще никто из родственников так не делал.

От этих слов Тэнго становится неуютно.

– Просто мне удалось взять небольшой отпуск. К сожалению, надолго не задержусь...

– Даже те, у кого куча свободного времени, обычно не приходят сюда добровольно, – замечает сестра. – Простите, что напоминаю, но у здешних пациентов надежды на выздоровление нет. Чем дальше, тем только хуже.

– Ну, он же сам попросил меня – почитай, мол, что-нибудь. Давно, еще когда был в сознании. Да и мне, пока я здесь, все равно больше нечем заняться...

– И какие же книги вы ему читаете?

– Разные. Обычно – те, которые читаю сам: продолжаю вслух с того места, на котором остановился.

– А прямо сейчас что читаете?

– Исак Динесен «Прощай, Африка!»⁸.

Медсестра качает головой:

– Никогда не слыхала.

– Эту книгу написала в 1937 году одна датчанка. Она вышла замуж за шведского аристократа и накануне Первой мировой войны уехала в Африку, где он заправлял плантацией. Но через несколько лет развелась и осталась там хозяйствовать в одиночку. А потом написала об этом книгу.

Сестра Оокура проверяет градусник, заносит температуру отца в дневник, втыкает ручку в узел волос на затылке и поправляет челку.

– Не возражаете, если я тоже немного послушаю?

– Уж не знаю, понравится ли вам, – пожимает плечами Тэнго.

Она садится на табурет, скрещивает ноги – красивые, крепкие, полноватые.

– Все равно почитайте.

⁸ **Исак Динесен** – псевдоним датской писательницы Карен Бликсен (1885–1962). Большую часть произведений написала на английском языке. Часть жизни провела в Кении, где ее двоюродный брат, он же муж, владел кофейной плантацией. Этому периоду посвящена ее книга воспоминаний «Прощай, Африка!» (*Out of Africa*, 1937). Дальнейшие цитаты приводятся по изданию «Лимбус Пресс» (Санкт-Петербург, 1997) в переводе М. Ковалевой.

И Тэнго продолжает читать. Этот текст требует очень внятного чтения. Плавного и неторопливого, как течение времени на африканских просторах.

В марте, когда в Африке после четырех месяцев засухи и жары начинаются благодатные дожди, все вокруг расцветает, благоухает и зеленеет в несказанной красоте.

Но фермер с опаской прислушивается, словно не доверяя щедрости природы, и боится услышать, что вдруг шум проливного дождя станет тише. Ведь влага, которую с такой жадностью впитывает земля, должна поддерживать все, что на ней растет и живет – все травы, стада и людей, – целых четыре месяца, когда дождей не будет вовсе.

Отрадно смотреть, как все дороги на ферме превращаются в быстро бегущие потоки, и ты бредешь по колено в жидкой грязи, пробираясь к пропитанным влагой, залитым белизной кофейным плантациям, и сердце твое поет от счастья. Но случается, что в середине сезона дождей тучи начинают расходиться, и вечером звезды проглядывают сквозь прозрачные, редящие облака; тогда хозяин фермы выходит из дома и стоит, пожирая глазами небо, словно тчится упорным взглядом выдоить, вымолить дождь, и вызывает к Небу:

– Пошли мне вдоволь, пошли мне с избытком. Сердце мое обнажено пред Тобой, и я не отпущу Тебя, доколе не благословишь меня. Утопи меня, если Тебе угодно, только не пытай неутоленной жаждой. О Небо, Небо, только не это – не *coitus interruptus*!

– Прерванный половой акт? – насупившись, переводит сестра.

– Ну, это все-таки фермер... Какая жизнь, такие и выражения.

– Все равно. Разве такими словами на самом деле разговаривают с Небесами?

– И то верно, – соглашается Тэнго.

Бывает иногда, что в прохладный сумрачный день после месяцев дождей вспоминаешь марка тбаја, то есть «худой год», как называют тут засуху. В те дни туземные племена кикуюю пускали коров пастись около моего дома. У одного из пастухов была флейта, и он время от времени наигрывал на ней короткие мелодии. Стоило мне снова услышать эти звуки, как в один миг вспомнилось все отчаяние, все страхи тех дней. У мелодии был соленый привкус слез. И все же – так поразительно и неожиданно для меня самой – эти звуки несли с собой буйную радость жизни, странное очарование, словно то была песнь торжества. Неужели и вправду нелегкие времена таили в себе все это? То были дни нашей юности, время безумных надежд. Именно тогда, в те долгие дни, мы все слились воедино – так, что даже в новых мирах, на иных планетах непременно узнаем друг друга, и все живое и неживое – часы с кукушкой и мои книги, тощие коровы на лужайке и печальные старики и старухи кикуюю – все будут окликать друг дружку: «И ты была там! И ты тоже была с нами на ферме в Нгонго». Тяжелые времена благословили нас и миновали.

– Какое яркое описание... – задумчиво говорит медсестра. – Прямо перед глазами встают все эти пейзажи. Так, значит, Исак Динесен «Прощай, Африка!»?

– Точно.

– Голос у вас тоже хороший. Глубокий и с выражением. Просто талант!

– Спасибо.

Не вставая с табурета, она закрывает глаза и замирает, едва дыша. Словно с головой погружившись в мир, о котором сейчас слышала. Ее округлая грудь под белоснежным халатом чуть заметно вздымается и опускается. Глядя на эту грудь, Тэнго вспоминает свою замужнюю подругу. Полдень пятницы, он раздевает ее, нежно гладит набухающие соски. Ее дыхание учащается, промежность становится влажной. За открытым окном с задернутой шторой накрапывает мелкий дождик. Она протягивает руку, взвешивает на ладони его член... Физиологически

эти картины никак не возбуждают его. Они проплывают перед Тэнго как в тумане, будто он смотрит на них со стороны сквозь тонкую прозрачную пленку.

Чуть погодя медсестра открывает глаза и глядит на Тэнго. Словно считывает все, что вертится у него в голове. Но и не думает укорять его. Слабо улынувшись, встает и смотрит на Тэнго сверху.

– Ну, мне пора, – говорит она. Поправляет волосы, проверяя, на месте ли шариковая ручка. И, развернувшись, выходит из палаты.

Вечером он, как правило, говорил по телефону с Фукаэри. И всякий раз слышал от нее, что сегодня ничего особенного не произошло. Несколько раз кто-то звонил, но она, как велено, трубку снимать не стала. Вот и хорошо, говорил он тогда. Пускай себе звонят сколько влезет.

С самого начала они условились, что, когда Тэнго звонит, он выжидает три гудка, затем вешает трубку и набирает номер снова; однако Фукаэри, забывая об уговоре, вечно хватала трубку после первой же телефонной трели.

– Снимай трубку только так, как мы условились, – предостерег ее Тэнго в очередной раз.

– *Я-чувствую*, – ответила Фукаэри. – *Не-волнуйся*.

– Что чувствуешь? Что это я звоню?

– *Когда-не-ты-я-не-снимаю*.

Может, конечно, и такое бывает, подумал Тэнго. Он ведь и сам всегда чувствует, если звонит Комацу и никто другой. Именно тогда телефонные трели звучат особенно нервно. Словно кто-то назойливо барабанит пальцами по столу. Но все равно – такие вещи слишком интуитивны. И это вовсе не значит, что Фукаэри можно брать трубку, когда ей вздумается.

Жизнь Фукаэри текла примерно так же однообразно, как у Тэнго. День за днем она проводила в квартире, на улице – ни шагу. Телевизора у него не было, а книг она не читала. Почти ничего не ела. Так что даже выходить за продуктами никакой нужды не было.

– *Не-ем-потому-что-не-двигаюсь*, – пояснила она.

– Чем же ты занимаешься целый день?

– *Думаю*.

– О чем?

Она не ответила.

– *Прилетает-ворона*.

– Она что, раз в день прилетает?

– *Не-раз-в-день*, – отозвалась Фукаэри. – *Много-раз-в-день*.

– Одна и та же ворона?

– *Да*.

– А больше никто не появлялся?

– *Эн-эйч-кей-опять-приходил*.

– Тот же человек, что и раньше?

– *Кричал-господин-кавана-вор*.

– Что, прямо у нас перед дверью?

– *Громко-чтобы-все-слышали*.

Тэнго задумался. Потом сказал:

– Не обращай внимания. Это тебя не касается и никакого зла тебе не причинит.

– *Кричал-я-знаю-что-вы-дома*.

– Не бери в голову. Просто он так запугивает людей. Стандартный приемчик служащих «Эн-эйч-кей».

Тэнго вспомнил, как этот приемчик использовал его отец. Как в воскресный полдень по лестницам многоэтажек разносился отцовский голос. Угрожающий и глумливый. Тэнго стис-

нул пальцами виски. Все новые подробности выныривали из памяти и проплывали перед глазами.

Словно почувствовав что-то в наступившей паузе, Фукаэри спросила:

– *Все-в-порядке.*

– Да, все хорошо, – отозвался Тэнго.

– *Ворона-тоже-так-думает.*

– Ну и слава богу.

После того как в небе появилась вторая луна, а в постели на месте отца ему явился Воздушный Кокон, Тэнго уже ничему не удивлялся. Если Фукаэри обменивается мыслями с вороной на подоконнике, значит, так нужно, и ничего странного в этом нет.

– Я пока в Токио не еду. Еще немного побуду здесь. Ничего?

– *Сколько-хочешь-столько-и-будь,* – ответила Фукаэри.

И тут же без всякой паузы повесила трубку. Их диалог оборвался так резко, словно кто-то перерубил телефонный кабель остро заточенным топором.

Затем Тэнго позвонил в издательство Комацу. Но того на месте не оказалось. Как ему сообщили, Комацу мелькнул в конторе около часу дня, но тут же исчез; где сейчас – неизвестно, вернется ли на работу сегодня – сказать невозможно. Этот тип был в своем репертуаре. Тэнго продиктовал телефон лечебницы и попросил передать, что в течение дня его можно застать по этому номеру и что он ждет от Комацу звонка. Номера гостиницы диктовать не стал: не хватало еще просыпаться из-за наглеца среди ночи.

В последний раз он говорил с Комацу в конце сентября. Беседа вышла совсем короткой. С тех пор они друг с другом не связывались. А до того Комацу с конца августа три недели пропадал неизвестно где. Лишь однажды, как выяснилось, позвонил себе на работу и сказал, что чувствует себя неважно, хотел бы немного отдохнуть. Больше от него сообщений не было. Все равно что без вести пропал. Конечно, Тэнго было не все равно, что творится со старшим товарищем, но беспокоился он не сильно. Этот своевольный тип всю жизнь занимался лишь тем, что нужно ему, и в любой день мог вернуться на рабочее место с таким видом, будто ничего особенного не случилось.

Разумеется, коммерческая организация – не то место, где прощают подобные фортели. Но, как ни странно, кто-нибудь из коллег постоянно его прикрывал. Хотя нельзя сказать, что в коллективе Комацу сильно любили, в любом конфликте кто-нибудь прикрывал ему задницу. Да и начальство тоже смотрело на его выкрутасы сквозь пальцы. Самоуверенный, наглый и несговорчивый, он, тем не менее, гениально выполнял свою работу, не говоря уже о лаврах продюсера «Воздушного Кокона», которые по праву принадлежат ему одному. Характер характером, а таких профессионалов уволить не просто.

Как Тэнго и предполагал, в один прекрасный день Комацу, никого не предупредив, вернулся на рабочее место – и безо всяких извинений и оправданий продолжил работу как ни в чем не бывало. Об этом Тэнго узнал от знакомого редактора, коллеги Комацу, когда позвонил к ним в контору.

– Так что же, теперь он поправился? – уточнил Тэнго.

– Да с виду вроде здоров, – ответил редактор. – Только молчаливый какой-то. Совсем не то, что прежде.

– Молчаливый? – удивился Тэнго.

– Ну, как бы сказать... *Еще* нелюдимее стал.

– Может, и правда болен?

– Да черт его разберет! – процедил редактор. – Сам говорит, что болен. Только и остается верить на слово. Ну, хоть вернулся – и то хорошо: все скопившиеся завалы наконец-то

разгребают. А пока его не было, творился чистый кошмар: никакие вопросы по «Воздушному Кокону» без него не решались, хоть сдохни.

– Кстати, насчет «Кокона» – Фукаэри до сих пор не нашлась?

– Нет, все так же. Поиски ничего не дали, она по-прежнему считается пропавшей без вести. А все, кто с ней связан, попрятались кто куда.

– В последнее время газеты о ней не пишут.

– К этой теме журналисты в принципе теряют интерес, а кто поосторожней – просто не приближается. У полиции в расследовании никаких подвижек. Подробнее тебе Комацу расскажет. Только учти, как я и сказал, – он в последнее время ни с кем не общается. Как бы объяснить... Ну, словно подменили человека. От его самоуверенности и следа не осталось. То и дело уходит в себя, сидит угрюмый и думает о своем. Иногда вообще забывает, что люди вокруг. Точно в яму какую-то провалился...

– Уходит в себя? – переспросил Тэнго.

– А вот попробуй с ним пообщаться – сам поймешь.

Тэнго поблагодарил и повесил трубку.

Через несколько суток вечером Тэнго позвонил Комацу. Тот все еще был на работе. Как и предупредил редактор, речь Комацу сильно изменилась. Раньше он болтал без умолку, легко перескакивая с темы на тему, а теперь мямлил так, словно посреди разговора беспрерывно думал совсем о другом. Что-то глодало его изнутри. Во всяком случае, это был не тот крутой Комацу, каким Тэнго его знал. Ибо *тот* Комацу всегда держался стильно и не менялся лицом, что бы его ни терзало в душе и какие напасти бы ни преследовали.

– Как ваша болезнь? – спросил Тэнго.

– Какая болезнь?

– Ну вы же так долго не работали из-за болезни.

– Ах, это... – будто вспомнил Комацу. – Да черт с ней, с болезнью. Об этом я тебе еще расскажу – как-нибудь вскорости. Сейчас не могу говорить, как хотелось бы.

«Как-нибудь вскорости»? – повторил про себя Тэнго. В речи Комацу слышалось что-то странное. Словно он намеренно отдалялся в разговоре от собеседника. Произносимые им фразы звучали плоско и безжизненно.

Разговор этот Тэнго закончил сам – вежливо попрощался и повесил трубку. Ни о «Воздушном Коконе», ни о Фукаэри упоминать не стал. По тому, что он услышал, было ясно, что Комацу сейчас избегает подобных тем. Никогда еще до сих пор этот болтун не признавался в том, что «не может говорить, как хотелось бы».

Так или иначе, то был их последний разговор. В конце сентября. И вот прошло два месяца. Хотя раньше Комацу звонил часто и болтал подолгу. Конечно, он выбирал, с кем общаться, но обычно формулировал мысли на ходу, вываливая на собеседника что в голову взбредет. И Тэнго исполнял для него роль этакой тренировочной стенки, в которую посылают теннисный мячик. Появлялось у Комацу настроение – звонил безо всякого повода. Причем в любое время дня и ночи. Не хотел – не звонил неделями. Но чтобы не давал знать о себе больше двух месяцев кряду – такое случалось редко.

Может, ему просто неохота ни с кем общаться? – думал Тэнго. Такие периоды случаются у каждого, даже у Комацу. Да и у самого Тэнго не было к нему особенно срочных вопросов. Продажи «Воздушного Кокона» упали, о книге уже никто не вспоминал, а где находится без вести пропавшая Фукаэри, Тэнго прекрасно знал и так. Если понадобится, Комацу позвонит ему сам. Не звонит – значит, незачем.

И все же пора бы ему объявиться, думал Тэнго. Слишком уж прочно засела в голове странная фраза Комацу: «Об этом я тебе еще расскажу – как-нибудь вскорости».

Тэнго позвонил приятелю, который подменял его в колледже, и спросил, как идут дела.

– Все хорошо, – ответил приятель и поинтересовался здоровьем отца.

– Никаких изменений, все время в коме, – ответил Тэнго. – Дыхание не прерывается, температура с давлением низкие, но стабильные. Только в сознание не приходит. И не страдает. Похоже, так и уйдет в свои сны...

– Не самый плохой уход, – заметил приятель бесстрастно. Вводная часть в его фразе отсутствовала. Но тому, кто провел несколько лет на матфаке, к подобным сокращениям не привыкать. Так что ничего неестественного Тэнго не услышал.

– Ты в последнее время смотрел на луну? – спросил его Тэнго. Из всех знакомых Тэнго этот приятель – чуть не единственный, кого можно спрашивать о луне без риска показаться сумасшедшим.

Приятель на пару секунд задумался.

– В последнее время? Не припомню. А что там с луной?

– Найдешь время – глянь как-нибудь. Интересно, что скажешь.

– Что скажу? В каком смысле?

– Да в каком угодно. Какие мысли тебя посетят, когда будешь смотреть на нее, вот и все. Опять небольшая пауза.

– Такие мысли, наверно, непросто облечь в слова.

– О словах не задумывайся. Главное – понять, что в ней особенного.

– Что в ней особенного, когда я на нее смотрю?

– Именно так, – подтвердил Тэнго. – А если не будет никаких мыслей – так и бог с ней.

– Сегодня пасмурно, посмотреть не получится. Но когда прояснится, попробую. Если не забуду, конечно.

– Спасибо, – сказал Тэнго и, попрощавшись, повесил трубку. «Если не забуду, конечно». Вечная проблема выпускников матфака. О том, что их не интересует, всегда вспоминают с большим трудом.

Время для посещения больных истекло, и перед уходом Тэнго попрощался с сестрой Тамурой, дежурившей в регистратуре.

– Спасибо за помощь. Всего доброго.

– Сколько вы еще пробудете у нас, Тэнго? – спросила она, поправляя пальцем очки на переносице. Ее смена, похоже, закончилась, и теперь вместо белого халата на ней были темно-лиловая гофрированная юбка, белая блузка и серый кардиган.

Остановившись перед нею, Тэнго задумался.

– Пока не решил. Смотря как все сложится.

– А на работе вас не хватает?

– Меня товарищ подменяет, так что пока все в порядке.

– А где вы обычно питаетесь?

– В столовых, – ответил Тэнго. – Гостиничная кухня готовит только завтраки, так что обедаю и ужинаю в кафешках неподалеку...

– Вкусно?

– Да не то чтобы. Просто я об этом как-то не задумываюсь.

– Так не годится, – нахмурилась медсестра. – Вам нужна калорийная пища. Вы уже выглядите, как лошадь, спящая стоя.

– Лошадь, спящая стоя? – удивился Тэнго.

– Да, лошадь спит стоя. Не видели никогда?

Тэнго покачал головой:

– Не приходилось.

– Ровно с таким же выражением, как у вас, – сказала сестра. – Зайдите в туалет и взгляните на себя в зеркало. На первый взгляд – вроде не спите, а приглядеться – спите как убитый. Глаза открыты, но ничего не видят.

– Лошади спят с открытыми глазами?

Сестра кивнула:

– Вот так же, как вы сейчас.

Тэнго и вправду захотел пойти в туалет и посмотреть в зеркало, но передумал.

– Ладно. Постараюсь есть калорийную пищу.

– Как насчет якинику?⁹ Не желаете?

– Якинику?

Мяса Тэнго почти не ел. Не то чтобы не любил, просто именно к мясу тяги обычно не возникало. Но сейчас, когда сестра Тамура упомянула о жареном мясе, ему вдруг захотелось вспомнить этот полузабытый вкус. Возможно, желудок и правда требовал больше калорий.

– Сегодня после работы мы решили поесть якинику.

– Мы?

– Дождемся полседьмого, когда у них кончится смена, втроем и отправимся. Ну как, вы с нами?

Остальными двумя были плечистая Оокура с ручкой в волосах и юная миниатюрная Адати. Похоже, все трое дружили не только на работе. Тэнго задумался над приглашением. С одной стороны, нарушать устоявшийся распорядок дня не хотелось. С другой стороны, он не мог найти предлога, чтобы отказаться. Весь городок уже знал, что свободного времени у Тэнго хоть отбавляй.

– Ну, если не помешаю... – ответил он.

– Конечно, не помешаете, – сказала медсестра. – Мы не приглашаем из вежливости тех, кто может нам помешать. Так что не стесняйтесь, идемте с нами. Иногда совсем неплохо, если в компании есть молодой здоровый мужчина.

– Да здоровьем-то бог не обидел, но... – начал Тэнго не очень уверенно.

– Вот! А это главное, – деловито подытожила медсестра.

Устроить так, чтобы три медсестры в одной и той же лечебнице закончили работу одновременно, – задача почти нереальная. Однако эти трое очень сильно старались, чтобы такое получалось хотя бы раз в месяц. Тогда они выбирались в город, ужинали «чем покалорийнее», пили коктейли и распевали в караоке, снимая стресс и сбрасывая нерастратченную энергию всеми доступными способами. Такая разгрузка была им необходима как воздух. Уж больно однообразен быт провинциального городка, а если не считать врачей да коллег-медсестер, с утра до вечера их окружали сплошь старики, потерявшие память и волю к жизни.

Вот и сегодня вечером три медсестры отлично поели, неплохо выпили. Тэнго за ними просто не поспевал. А потому исправно поддакивал веселой компании, ел жареное мясо и пил пиво, стараясь не перебрать. Выйдя из ресторанчика, они завалились в ближайший снэк-бар, где заказали на всех бутылку виски и принялись за караоке. Сначала каждая спела свой дежурный репертуар, а затем все втроем, синхронно пританцовывая, исполнили что-то из «Кэндиз»¹⁰. Явно где-нибудь репетируют. Сильное зрелище, оценил Тэнго. Сам он в караоке был

⁹ **Якинику** (букв. «гриль-мясо», *яп.*) – т. н. японское барбекю, хотя блюдо заимствовано из корейской кухни. Тонкие ломтики отборного мяса подвергаются моментальной прожарке на вмонтированной в центр стола жаровне, затем обмакиваются в различные соусы и тут же отправляются в рот.

¹⁰ **«Candies»** (*яп.* «Кяндидзу») – популярное женское трио, японская поп-икона 1970-х гг. Ран Ито, Ёсико (Сью) Танака и Мики Фудзимурэ основали группу в 1973 г., а в 1977-м объявили о ее самороспуске под скандальным лозунгом «Мы хотим снова стать обычными девушками».

не мастак; с трудом вспоминая мелодию, прогундосил один пижонский шлягер Ёсуи Иноуэ¹¹ да на том и сломался.

Даже молоденькая сестра Адати, обычно неразговорчивая, после пары коктейлей ожила и развеселилась. Ее щеки, и без того румяные, приобрели такой плотный, здоровый оттенок, словно загорели на солнце. Хихикая от колких шуточек подруг, она так и льнула к плечу Тэнго. Высокая Оокура – та, что на работе носила ручку в волосах, – была теперь в бледно-синем платье, волосы распустила и выглядела года на три-четыре моложе, причем голос ее звучал ниже обычного. Она больше не выглядела сухо и деловито, в жестах читалась расслабленная небрежность; женщину было просто не узнать. И только сестра Тамура не изменилась ни обликом, ни манерой держаться.

– Сегодня оставила детей под присмотром соседей, – рассказала она Тэнго. – Муж на работе в ночную смену. В такие вечера просто необходимо развеяться. Это очень важно для ясности духа. Ты согласен, Тэнго?

В последнее время они называли его не «господин Кавана», и даже не «господин Тэнго», а просто по имени. Почему-то все, с кем бы Тэнго ни познакомился, вскоре начинали звать его так. Даже подопечные-абитуриенты за глаза называли «Тэнго» и никак иначе.

– Да, разумеется, – кивнул Тэнго. – Абсолютно с вами согласен.

– Иногда нам такие развлечения как воздух нужны, – добавила Тамура, отхлебнув виски с водой. – Мы ведь тоже люди из плоти и крови.

– Обычные женщины, если халатики скинем! – поддержала Адати. И захихикала так, будто подразумевала нечто особенное.

– Послушай, Тэнго, – продолжала Тамура. – Можно личный вопрос?

– О чем?

– У тебя есть девушка?

– Ага, я тоже хотела спросить! – поддакнула Адати, обглаживая большими белыми зубами огромную кукурузу. Вылитый кролик.

– Тут сложно, – ответил Тэнго. – В двух словах не расскажешь.

– Можно и не в двух, – подбодрила Тамура. – Время еще раннее, а тема хорошая. Всем интересно, как же это складывается личная жизнь у нашего Тэнго.

– Рассказывай, рассказывай! – потребовала Адати смеясь и захлопала в ладоши.

– Да ничего интересного, – пожал плечами Тэнго. – Все очень банально. И ни начала, ни конца не отыщешь...

– Ну, тогда просто обобщи и сделай вывод, – попросила сестра Тамура. – У тебя есть женщина – или таки нет?

– Ладно, – сломался Тэнго. – Если делать вывод – похоже, все-таки нет.

– Хм-м... – Сестра Тамура опустила палец в бокал, с треском помешала лед, облизнула палец. – Плохо дело. Никуда не годится. Молодой здоровый мужчина – и с женщинами не встречается. Ужасное расточительство!

– А для здоровья какой вред! – добавила плечистая сестра Оокура. – Если долго живешь один, крыша съезжать начинает.

– Набекрень! – хихикнула молоденькая сестра Адати. И задумчиво потерла висок.

– До недавнего – встречался, – попытался оправдаться Тэнго.

– Но с недавнего времени перестал? – уточнила сестра Тамура, поправляя пальцем очки на носу.

Тэнго кивнул.

¹¹ Ёсуи Иноуэ (р. 1948) – японский певец, поэт-песенник, композитор, гитарист и музыкальный продюсер, значительная фигура в японской поп-музыке второй половины XX в. Широко известен своей уникальной вокальной интонацией, эксцентричными текстами песен, а также темными очками, которых никогда не снимает на публике.

- То есть она тебя отшила, да?
- Как знать. – Тэнго покрутил головой. – Может, и правда отшила. Даже скорее всего.
- И что-то мне говорит, будто она старше тебя на несколько лет, – прищурилась сестра Тамура. – Верно?
- Да, но... – пробормотал Тэнго. Как она догадалась?
- Во-от. Я угадала? – Сестра Тамура многозначительно подняла палец, обращаясь к обоим подругам. Те синхронно кивнули. – Я давно говорила, что наш Тэнго наверняка встречается с дамой старше себя. Женщины такие вещи сердцем чувствуют.
- Нюх-нюх! – чирикнула Адати.
- А кроме того, эта дама замужем, – немного устало добавила сестра Тамура. – Так, нет? Тэнго с трудом кивнул. Чего уж теперь отпираться-то.
- Нет, каков негодяй! – воскликнула молоденькая Адати и легонько пошлепала Тэнго по бедру.
- И на сколько старше? – уточнила сестра Тамура.
- На десять лет.
- Ого!
- Значит, нашего Тэнго всю дорогу любила чужая жена, да еще и старше него самого? – встала сестра Оокура, мать двоих детей. – Круто! Так, может, теперь и мне постараться да приласкать одинокого Тэнго? Так я со всей душой. Я ж тебя залюблю! Я, между прочим, еще очень даже ничего себе, вот потрогай!
- Схватив ладонь Тэнго, сестра Оокура попыталась прижать пальцы к своей широкой груди. Так порывисто, что подруги едва успели ее остановить. Похоже, у медсестер был свой кодекс поведения с пациентами и их родными, нарушать который нельзя даже подшофе. А может, они просто боялись постороннего глаза. Все-таки городишко маленький, слухи разлетаются со скоростью ветра. А муж сестры Оокуры – возможно, жуткий ревнивец. Да и сам Тэнго, что говорить, не собирался нарушать своим визитом балансы добра и зла в этом мирном, в общем-то, городке.
- И все-таки наш Тэнго большой молодец! – сменила тему сестра Тамура. – Приехал из такой дали, чтобы по несколько часов в день читать отцу вслух... Не каждый на такое способен. Молоденькая сестра Адати, чуть наклонив голову, добавила:
- Да, это верно. Такое нельзя не уважать.
- Между собой мы тебя всегда хвалим, – сообщила сестра Тамура.
- Тэнго поневоле смутился. Все-таки в этом городке он застрял так надолго вовсе не ради отца. А исключительно ради того, чтобы снова увидеть Воздушный Кокон и в нем – спящую маленькую Аомамэ. Чтение книг отцу, впадшему в кому, – всего лишь удобный предлог для задержки. Но рассказать об этом медсестрам Тэнго, понятно, не мог. Иначе тут же пришлось бы объяснять, что такое Воздушный Кокон.
- Просто я до сих пор ничем и никак не помогал ему... – с трудом проговорил Тэнго, ерзая на узеньком деревянном стуле. Но медсестры, конечно, решили, что он говорит так из скромности.
- Он хотел сослаться на то, что уже клюет носом, и пойти домой первым. Но все никак не мог выбрать момент. Как всегда, ему плохо удавалось противиться чужой воле.
- И все-таки, – сказала сестра Тамура и кашлянула. – Вернемся к главному. Значит, недавно ты расстался с замужней дамой, которая старше тебя на десять лет? Но вы ведь прекрасно ладили, правда? В чем же дело? Об измене узнал ее муж, или что-то еще?
- Да я и сам не знаю, в чем дело, – признался Тэнго. – Просто однажды она перестала выходить на связь, и все.
- Хм-м... – протянула молоденькая Адати. – А может, Тэнго ей просто надоел?
- Сестра Оокура покачала головой, подняла указательный палец и изрекла:

– Ты еще слишком молода и многого не понимаешь. *Совсем* не понимаешь. Если сорокалетняя замужняя баба поймала на крючок молодого, смачного мужика, она уже никогда по своей воле не скажет: «Спасибо за угощение, пока-пока». Так не бывает. Даже если он сам этого захочет.

– Что, серьезно? – удивилась Адати и склонила голову набок. – В этом я и правда ничего не понимаю.

– Серьезнее некуда, – отрезала сестра Оокура. И, посмотрев на Тэнго взглядом резчика, выбивающего надпись по камню, кивнула. – Ты тоже поймешь, когда придет время.

– Кстати, я давно уже с ней не общалась... – сказала вдруг сестра Тамура, устраиваясь на стуле поуютнее.

И затем все трое предались обсуждению слухов о сексуальных похождениях чьей-то жены (видимо, тоже медсестры). Прихлебывая виски с водой, Тэнго смотрел на них, и ему вспоминались три ведьмы из «Макбета». Три колдуньи, которые хором поют свое заклинание – «Зло есть добро, добро есть зло»¹² – и насылают на Макбета всевозможные беды и напасти. Разумеется, Тэнго отнюдь не считал медсестер злыми. Добрые, искренние женщины. Работают, себя не помня, отлично ухаживают за отцом. Постоянно перерабатывая, живут тусклой, неприметной жизнью в этом крохотном рыбацком городке и раз в месяц снимают скопившееся напряжение – вот и все. Но стоит только увидеть, как женщины трех поколений объединяются вокруг чего-то одного, – и в голове невольно всплывает картинка: шотландские луга, пасмурное небо и холодный ветер с дождем, под которым до самой земли гнется вереск.

«Макбета» Тэнго читал еще в университете, и с тех пор в голове засел один странный отрывок:

*By the pricking of my thumbs,
Something wicked this way comes,
Open, locks,
Whoever knocks!*

*Пальцы чешутся. К чему бы?
К посещенью душегуба.
Чей бы ни был стук,
Падай с двери, крюк.*

Почему из всей огромной трагедии ему запомнилась именно эта строфа, Тэнго и сам не понимал. Кто из ведьм и в какой связи произносил ее, тоже не помнил. Но отрывок этот вдруг напомнил ему о сборщике взносов, барабанившем в дверь квартирки в Коэндзи. Тэнго взглянул на пальцы. Те и не думали чесаться. Но в ритме шекспировской строфы отчетливо ощущалось что-то недоброе.

Something wicked this way comes...

Только бы Фукаэри не открывала, подумал он.

¹² «Макбет», акт I, сцена 1.

Глава 7

УСИКАВА

На полпути к вам

От решения выведать побольше о старухе в Адзабу пришлось отказаться. Уж слишком неприступными оказались стены, которыми та окружена: куда ни сунься, только лоб расшибешь. Усикава честно пытался разузнать, что творится в ее приюте, но околачиваться вблизи здания становилось все опаснее: камеры внешнего наблюдения постоянно включены, а такую фигуру, как Усикава, не запомнить невозможно. Раз попадешь в поле зрения – век не отмажешься. Вот почему Усикава решил отступить от «Плакучей виллы» и подумать об альтернативных источниках информации.

Впрочем, стоило признать: все «источники», которыми он мог бы располагать, сводились к досье об Аомамэ. В прошлый раз Усикава доверил всю бумажную работу знакомому детективному агентству, а сам бегал по городу и собирал о чертовой массажистке все, что мог. «Дело» на Аомамэ выглядело чистым: под каким углом ни изучай – абсолютно ничего подозрительного. В спортклубе как инструктора ее действительно уважали. В раннем детстве она воспитывалась в секте «Очевидцев», но, повзрослев, оборвала отношения как с сектой, так и с семьей. С отличием окончила вуз, служила в компании энергетических напитков, играла центральным нападающим в команде по софтболу. Бывшие коллеги вспоминали ее и как отличную спортсменку, и как ценного работника: выкладывается как вол, соображает быстрее всех. Доверять ей можно. Разве что молчалива и не слишком общительна.

Несколько лет назад, впрочем, Аомамэ уволилась из компании, ушла из софтбола и устроилась инструктором спортклуба в Хироо. Ее доход увеличился примерно на треть. Не замужем, живет одна. Судя по всему, на сегодняшний день любовника не имеет. Ничего подозрительного или неясного в ее «деле» не фигурирует.

Усикава поморщился и с глубоким вздохом бросил папку на стол. Что-то я упустил, подумал он. Какую-то важную деталь, которой нельзя не заметить.

Он достал из ящика телефонный справочник, полистал, нашел нужный номер, набрал. По этому номеру Усикава звонил всякий раз, когда информацию требовалось добыть нелегально. Человек на том конце линии вращался в мирах потемнее, чем мир Усикавы. За деньги он добывал практически любые сведения. Понятно, что стоимость данных зависела от степени их секретности.

На сей раз Усикава решил копать в двух направлениях. Во-первых, нужны личные данные родителей Аомамэ – до сих пор еще активных деятелей секты. Можно не сомневаться: эта секта собирает и хранит сведения о каждом из своих членов по всей стране. Паства у них в Японии огромная, между штаб-квартирой и регионами наверняка происходит мощный обмен информацией. Без централизованной системы обработки данных вся их система просто встанет. Головная контора «Очевидцев» расположена в пригороде Одавары¹³. Огромную частную территорию занимает великолепное здание из стекла и бетона – с типографией религиозных брошюр, конференц-залом и гостиницей для верующих, которые прибывают сюда со всех концов страны. Вся информация о жизни секты обрабатывается и хранится именно там.

¹³ Одава́ра – небольшой город в префектуре Канага́ва неподалеку от священной горы Фудзи, население – ок. 200 тыс. чел. Примерно в этом же месте, у подножия Фудзи, располагалась штаб-квартира секты «Аум Синрикё», организовавшая «зариновый теракт» в токийском метро в 1995 г.

И во-вторых, Усикаве необходимы сведения из спортклуба Аомамэ. Вряд ли, конечно, в таком заведении вели строгий учет, что за работу она выполняла, когда и с кем занималась индивидуально. В этом смысле до «очевидцев» профессионалам от фитнеса далеко. Но если вдруг заявиться туда с вопросом: «Извините, нельзя ли посмотреть трудовое досье госпожи Аомамэ?» – на удачу рассчитывать не придется.

Усикава доложил автоответчику свои фамилию и номер телефона. Минут через тридцать ему перезвонили.

– Господин Усикава? – осведомился хриловатый голос в трубке.

Усикава объяснил, что за информация ему требуется. С человеком этим он никогда не встречался. Все их общение происходило по телефону. Добытая информация приходила срочной почтой с уведомлением. Голос у собеседника звучал надтреснуто, а его хозяин то и дело покашливал – вероятно, проблемы с горлом. Кроме этого голоса, на том конце линии никогда не раздавалось ни звука. Так, будто звонили из помещения с идеальной звукоизоляцией. Лишь голос и дыхание – чем дальше, тем напряженнее. «Неприятный тип, – всякий раз думал Усикава. – Увы, белый свет просто битком набит неприятными типами. И на взгляд со стороны – я, скорее всего, такой же». Нынешнего же собеседника Усикава называл про себя «Нетопырем».

– Значит, вам нужны сведения о женщине по имени Аомамэ?

– Да. Очень редкая фамилия.

– Максимально подробные?

– Все, что найдете. По возможности, хотелось бы получить ее фотографию.

– Со спортклубом, по идее, трудностей быть не должно. Им и в голову не придет, что кому-то понадобится красть у них информацию. А вот с «Очевидцами» будет непросто. Это огромная и богатая организация, которая наверняка умеет себя охранять. Над религиозными сектами работать сложнее всего. Они слишком пекутся о защите частной жизни верующих, а параллельно все время скрываются от налогов.

– И что, ничего не поделать?

– Думаю, способы найдутся. На самом деле, эти двери куда легче открыть, чем пытаться потом затворить за собой. Вдогонку может полететь баллистическая ракета.

– То есть как на войне?

– А это и есть война. С неизвестными последствиями, – проговорил Нетопырь. Таким тоном, словно участие в этой войне его развлекало.

– Так вы беретесь?

– Я попробую. Но результат вам обойдется недешево.

– Хотя бы примерно – о какой сумме речь?

Нетопырь назвал приблизительную цифру, и Усикава, сглотнув слюну, согласился. Для начала хватит и своих сбережений, а появится результат – можно страсти с заказчика.

– И сколько времени это займет?

– Как понимаю, вы торопитесь?

– Тороплюсь.

– Точно сказать не берусь, но, думаю, от семи до десяти дней.

– Хорошо, – согласился Усикава. Возражать в его ситуации не стоило.

– Соберу материал – позвоню. Как условлено, в течение десяти дней.

– Если, конечно, вдогонку не прилетит ракета?

– Разумеется, – бесстрастно подтвердил Нетопырь.

Повесив трубку, Усикава откинулся в кресле и крепко задумался. Каким «черным ходом» воспользуется Нетопырь – бог весть. Даже спроси его об этом, ни за что не расскажет. Ясно одно: методы у него самые криминальные. Для начала наверняка постарается подкупить кого-нибудь в секте. Причем – нелегально проникнув на частную территорию. И при необходимости

не остановится ни перед чем. Не говоря уже о том, на что он способен, когда сидит за своим компьютером.

Организаций и фирм, которые обрабатывают свои данные на компьютерах, сегодня еще немного. Но секта всеяпонского масштаба может позволить себе такую роскошь. Сам Усикава в компьютерах не смыслил почти ничего. Но не мог не понимать, что очень скоро жизнь заставит людей абсолютно всю информацию хранить и обрабатывать на компьютерах. Уже завтра никто не станет просиживать часами в библиотеках, завалив стол подшивками газет и журналов: не та эпоха. А значит, начинаются кровавые, смрадные войны между хранителями информации и теми, кто за ней охотится. Впрочем, не совсем так. Война есть война, и сколько-то крови все равно проливается. Только не пахнет. Такой вот странной будет реальность. А Усикава любил реальность, в которой существуют запахи и боль, пусть даже порой и невыносимые. Вот только усикавы в такой реальности вымирали, как динозавры.

Впрочем, окончательно унывать Усикава не собирался. Он отлично знал, что старушка Природа одарила его особым чутьем. Звериным нюхом, который помогает ему ориентироваться в пространстве. До способности кожей ощущать людские болячки и предугадывать любое изменение ветерка. Работа, на которую не способен ни один компьютер. Для нее не придумаешь алгоритм, ее нестроишь в систему. Да, получить доступ к защищенному компьютеру и стащить из него информацию – грязная работа взломщика. И все же только человек из плоти и крови сможет решить, какие данные в столь безбрежном океане информации стоят внимания, а какие нет.

Может, я и правда превращаюсь в жалкое ископаемое? – размышлял Усикава. Да что там *«может»*? Никакого сомнения. Однако я вам не пустое место. У меня есть редчайшие качества: врожденный нюх и бульдожья хватка. Которые неплохо кормили меня столько лет. И пока я могу на них положиться, каким бы странным ни становился мир вокруг, с голоду не помру.

Ничего, госпожа Аомамэ, я от вас не отстану. Вы у нас особа бесстрашная, ловкая, осторожная. Но погодите. Я уже на полпути к вам. Слышите, как я приближаюсь? Нет, не слышите. Ведь я подползаю незаметно, как черепаха, чтоб вы не заметили. И с каждым шагом – все ближе.

Кое-что, впрочем, подталкивало Усикаву в спину: Время. Искать Аомамэ – все равно что бежать со временем наперегонки. Найти ее, выяснить, кто за ней стоит, и передать ее на блюдечке проклятым сектантам необходимо как можно скорее. Сроки сжаты донельзя. На четвертый месяц поисков предоставлять этим головорезам информацию будет уже слишком поздно. До сих пор они считали Усикаву человеком полезным. Грамотный, расторопный, в законах соображает, держит рот на замке. Может действовать в одиночку, независимо от Системы. И все-таки он всегда был у них на побегушках, поскольку отрабатывал свои деньги. Не друг, не родственник, не брат по вере. И как только сам факт существования Усикавы станет для секты опасен, его сотрут в порошок. И глазом не моргнут.

В ожидании звонка от Нетопыря Усикава сходил в библиотеку и проверил все, что мог, об «очевидцах» – от истории возникновения секты до их нынешнего положения. Что-то выписывал, что-то копировал. Раскапывать крупницы истины в библиотечных архивах ему совсем не претило. С детства ничто так не развлекало его, как подтверждение догадки.

После библиотеки он отправился на станцию Дзюгаока, добрался до жилья Аомамэ и убедился, что там больше никто не живет. На почтовом ящике все еще висела визитка с ее фамилией, но квартира, похоже, была необитаема. Усикава сходил в риелторскую контору, заведовавшую этой многоэтажкой. Сказал, что, по слухам, в доме пустует квартира, и поинтересовался, нельзя ли ее в таком случае снять.

– Пустовать-то пустует, – ответил ему риелтор. – Да заселиться можно не раньше февраля.

Оказалось, договор с прежним жильцом истекает лишь в конце января и деньги за аренду продолжают поступать на счет фирмы каждый месяц.

– Все вещи вынесены, свет-газ-вода отключены. Но поскольку все оплачено, контракт досрочно не прерывается.

– То есть квартира оплачена до конца января?

– Именно, – кивнул риелтор. – Жилец заплатил всю оставшуюся сумму и попросил новых людей в квартиру пока не запускать. Ну, а раз платит исправно, нам и пожаловаться не на что...

– Но разве это не подозрительно? Никто не живет, деньги на ветер выкидываются...

– Конечно, я тоже слегка заволновался. Вызвал хозяина квартиры, и мы вместе проверили, что внутри. Не хватало еще обнаружить там какой-нибудь разложившийся труп, ну вы понимаете... Но нет, ничего подобного! Квартира чистая, прибранная, только пустая – хоть в кегли играй! Даже не знаю, что все это может значить...

Итак, Аомамэ здесь больше не живет, это ясно. Но те, кто за ней стоит, стараются изображать, будто она все еще тут проживает. И ради этого оплатили аренду аж на четыре месяца вперед. Стоит признать, эти люди весьма осторожны. И недостатка в деньгах не испытывают.

Ровно через десять дней после обеда в конторе Усикавы на Кодзимати раздался звонок от Нетопыря.

– Господин Усикава? – произнес хриловатый голос. Как всегда, на фоне гробовой тишины.

– Усикава слушает.

– Можете говорить?

– Могу, – сказал Усикава.

– Защита у «очевидцев» и правда оказалась что надо. Но я был к этому готов. Несмотря ни на что, информацию об Аомамэ удалось добыть благополучно.

– И что, ракеты не летят?

– Пока ничего подобного не наблюдается.

– Ну, слава богу.

– Господин Усикава, – произнес Нетопырь и закашлялся. – Прошу извинить, но вы не могли бы воздержаться от курения?

– Курения? – Усикава ошалело уставился на зажатую в пальцах «Севен старз». Дымок от сигареты плавно утекал к потолку. – Нет, я вообще-то курю, но... ведь мы говорим по телефону. Как же вы догадались?

– Разумеется, запаха я не различаю. Но от звуков вашего дыхания становится трудно дышать. На табак у меня острейшая аллергия.

– Вот как? Этого я не замечал, простите ради бога.

В трубке снова откашлялись.

– Да вы и не могли этого замечать. Ничего страшного.

Погасив сигарету в пепельнице, Усикава хлебнул зеленого чая. Затем встал и распахнул окно.

– Сигарету потушил, окно открыл... Хотя не сказал бы, что на улице намного свежее.

– Извините за беспокойство.

Секунд на десять в трубке повисло молчание. Абсолютное безмолвие в кладбищенской тишине.

– Значит, сведения об очевидцах вы собрали?

– Да. Только предупреждаю: материала очень много. Семья Аомамэ – истые верующие, активно миссионерствуют вот уже много лет, и документов об их деятельности накопилось с избытком. Что вам из них пригодится, что нет – прошу решать самостоятельно.

– Да-да, разумеется, – согласился Усикава. На это он и рассчитывал.

– Со спортклубом все прошло достаточно гладко. Открыл дверь, зашел, отыскал что хотел, вышел, запер за собой. Правда, времени было совсем мало; пришлось, что называется, выдирать информацию с корнем, оттого и такие объемы. Но по обоим каналам данные собраны, и я готов их вам предоставить. Как всегда, по факту оплаты.

Усикава записал в блокнот окончательную сумму сделки. Выше предложенной сметы процентов на двадцать. Кроме как согласиться, ничего другого не оставалось.

– На сей раз пересылать все почтой неудобно. Поэтому завтра в это же время мой ассистент передаст вам документацию лично. Прошу подготовить нужную сумму. Как всегда, расписки в получении этих денег я предоставить вам не смогу.

– Понимаю, – сказал Усикава.

– И последнее, о чем я уже говорил, но повторяю на всякий случай. Вся информация, которую можно было собрать по интересующим вас вопросам, добыта. Если же у вас, господин Усикава, вдруг появятся претензии к содержанию самих материалов, за это я никакой ответственности не несу. Технически было сделано все, что в моих силах. Вы платите мне за усилия, а не за их результат. Также я не смогу вернуть вам деньги, если в этих данных вы не найдете, чего искали. Надеюсь, вы и это хорошо понимаете.

– Понимаю, – повторил Усикава.

– Что касается фото госпожи Аомамэ, – продолжал Нетопырь, – его я достать не смог, как ни пытался. На всех документах ее фотографии срезаны подчистую.

– Ясно... – вздохнул Усикава. – Ничего не поделаешь.

– Не исключено, что у нее уже совершенно другое лицо, – добавили в трубке.

– Возможно, – отозвался Усикава.

Нетопырь еще немного покашлял.

– До связи, – проговорил он наконец, и связь оборвалась.

Положив трубку, Усикава глубоко вздохнул, закурил очередную сигарету – и медленно выдохнул струю дыма в телефонный аппарат.

На следующий день, опять после обеда, контору Усикавы посетила девица. Совсем юная, на вид не дашь и двадцати. Короткое белое платье, плотно облегающее бедра, такие же белые и элегантные туфли на шпильках, жемчужные серьги. Миниатюрно сложена, чуть выше полутора метров, – но с неожиданно крупными ушами, копной длинных прямых волос и пристальными, глубоко посаженными глазами. Этакая феечка-практикантка. Она разглядывала Усикаву как нечто диковинное, что встречала только однажды и запомнила на всю жизнь. Улыбалась ему светло и приветливо, показывая меж маленьких губ аккуратный ряд белых зубов. Может, конечно, и обычная производственная улыбка. И все же найдется очень мало людей, способных так долго разглядывать Усикаву без содрогания.

– Вся информация, которую вы запрашивали, для вас приготовлена, – защелкала она, раскрыла туго набитую холщовую сумку, тут же опустошила ее, вытащив два толстенных конверта для крупноформатных документов. И, обхватив их обеими руками, – так юные мико¹⁴

¹⁴ **Мико́** (яп.) – молодые служительницы синтоистских храмов. В современном синтоизме помогают в проведении обрядов и брачных церемоний, исполняют ритуальные танцы, занимаются гаданиями, поддерживают чистоту и порядок в храмах. В массовой культуре обычно изображаются защитницами людей от злых духов, демонов и призраков, мастерицами боевых искусств, владеют холодным оружием, а также магией. Лишь незамужние девушки могут стать мико, однако от них не требуется обета безбрачия. Традиционно мико служат в храмах до замужества, после чего оставляют службу и переключаются на домашнее хозяйство.

в древних храмах перетаскивали каменные прессы для литографий, – выгрузила перед Усикавой на стол.

Усикава полез в ящик стола, достал заготовленный конверт и передал ей. Она вскрыла конверт, вынула огромную пачку десятков¹⁵ и тут же, не садясь, начала пересчитывать. Быстро, отточенными движениями: тонкие пальчики так и мелькали. Досчитав, убрала деньги в конверт, спрятала в сумку. И вновь одарила Усикаву лучезарной улыбкой. «Всю жизнь бы на вас любовалась», – будто говорили ее глаза.

«Что общего у этого небесного создания с Нетопырем?» – невольно гадал Усикава. Хотя, казалось бы, ему-то какое дело? Информацию доставляет, деньги получает. Скорее всего, ничего больше от нее и не требуется.

Когда фея покинула кабинет, Усикава долго просидел в ступоре, глядя на закрытую дверь. В воздухе по-прежнему ощущалось ее присутствие. А взамен этого ощущения – Усикава готов был поклясться – она забрала с собой частичку его души. Не ведомая доселе пустота заполнила его изнутри. Что со мной? – поражался он. Что все это значит?

Минут через десять он пришел в себя и вскрыл перемотанные скотчем конверты. В каждом обнаружилось по увесистой пачке перемешанных как попало документов – ксерокопий, распечаток, оригиналов. Все, что не понять, каким чудом удалось собрать в настолько сжатые сроки. Теперь, казалось бы, можно и поработать. Но при виде такой огромной кипы бумаг Усикава лишь бессильно вздохнул: да разве все это можно когда-нибудь изучить до конца? А может, я просто заплатил бешеные деньги за груды нелепой макулатуры? Бессилие это было таким глубоким, что сколько ни погружайся, сколько ни вглядывайся, дна не увидеть никогда; глаза различают лишь призрачный сумрак, похожий на преддверие смерти. Виной ли тому ощущение, которое эта девчонка от себя оставила? Или проблема в том, *что* она с собой забрала?

Наконец Усикаве удалось взять себя в руки. До самого вечера он разгребал бумаги, разбивал их по темам и выписывал в блокнот все, что казалось важным. Лишь уйдя в работу с головой, он сумел наконец избавиться от проклятой беспомощности. Постепенно в конторе стемнело, и, зажигая настольную лампу, он уже был уверен, что заплатил свои деньги не зря.

Начал Усикава с материалов из фитнес-клуба. Четыре года назад Аомамэ устроилась туда на работу – тренером по растяжке и инструктором боевых искусств. Сама составляла программы занятий, сама набирала и вела параллельно несколько групп. Чуть ли не каждый документ говорил о том, что преподавала она отменно и слыла настоящим кумиром у членов клуба. Помимо групповых занятий давала и частные уроки на дому. Брала за это недешево, но для клиентов, которые не могут являться в клуб по расписанию или просто любят более приватную обстановку, такая система удобнее, так что недостатка в «частниках» у нее не было.

Из копии расписания тренировок стало ясно, когда, где и как Аомамэ занималась с частными клиентами. Для одних назначала время и место в стенах клуба, к другим выезжала на дом. Были среди этих клиентов и светские знаменитости, и политики. Самой пожилой оказалась Сидзуэ Огата, хозяйка «Плакучей виллы».

Знакомство с нею Аомамэ поддерживала вплоть до своего исчезновения, а завязала его вскоре после начала работы в клубе – как раз когда двухэтажный дом при усадьбе переоборудовали в приют «Консультации для женщин – жертв бытового насилия». Может, простое совпадение, а может, и нет. В любом случае, документы говорили о том, что вскоре эта парочка сблизилась еще теснее.

¹⁵ Имеется в виду ман (*букв.* десять тысяч, *яп.*) – крупнейшая денежная купюра современной Японии, на время действия романа – ок. 120 долларов США.

Более того: создавалось впечатление, будто между Аомамэ и хозяйкой установилось нечто вроде родства. Усикава чуял это нутром. Поначалу женщины общались как инструктор клуба с частной клиенткой. Но в какой-то момент их отношения изменились. Отслеживая расписание день за днем, Усикава пытался вычислить, когда именно эти двое начали общаться как близкие люди, невзирая на разницу в возрасте и положении. Скорее всего, когда обеим открылась некая истина и они устроили тайный сговор, который каким-то образом привел к убийству Лидера в номере гостиницы «Окура». Так подсказывало Усикаве его чутье.

Но *каким* образом? И что это за сговор?

На это чутья Усикавы уже не хватало.

Определенно, что-то здесь связано с бытовым насилием. Старуха явно равнодушна к этой теме. Согласно документам, Сидзуэ Огата познакомилась с Аомамэ, когда записалась в группу самозащиты. Но обычные семидесятилетние старухи не ходят на курсы самозащиты. Так, может, их связала не столько необходимость защищаться самим, сколько желание защитить кого-то еще?

Или над самой Аомамэ надругались в детстве? А Лидер оказался бытовым насильником – и две женщины, узнав об этом, приговорили его к казни? Впрочем, это всего лишь предположения. Которые, насколько известно Усикаве, серьезно расходятся с образом Лидера. Конечно, чужая душа – потемки, тем более такая бездонная, как у Лидера. Все-таки он был гуру огромной секты. Мудрая, образованная личность, настоящая загадка для своего окружения. И даже если допустить, что при этом он насиловал малолеток, – стоит ли ради этого рисковать собой и своей репутацией, планируя настолько скандальное убийство?

А убили его хладнокровно, и никаким «состоянием аффекта» здесь не пахло. Продуманное убийство с осознанными мотивами, на организацию которого потрачены огромные время, силы и деньги.

Но доказательств этому не было. Сплошные умозрительные выводы – то, что отсекала «брита Оккама». И предложить «Авангарду», увы, пока нечего. Усикава просто *понимал*, что случилось – по запаху и на ощупь. Все косвенные факторы говорили об одном. Под предлогом мести насильнику старуха подговорила Аомамэ убить Лидера, а потом спрятала ее в безопасном месте. Чему полностью, хотя и косвенно, соответствовали все документы, собранные Нетопырем.

Куда больше времени и сил Усикава потратил на изучение материалов об «Очевидцах». Этих бумаг оказалось куда больше, чем он думал, хотя по-настоящему полезными он нашел лишь несколько документов. В основном перед его глазами мелькали отчеты о вкладе семейства Аомамэ в деятельность секты. Эти люди по-настоящему истово, до самоотречения распространяли учение «Очевидцев». Родители ее теперь жили в городке Итикава префектуры Тиба. Переселились туда тридцать пять лет назад, после чего дважды переезжали, но только в пределах Итикавы. Отец, Такаюки Аомамэ (58 лет), работает в машиностроительной компании. Мать, Кэйко Аомамэ (56 лет), – домохозяйка. Их сын, Кэйити Аомамэ (34 года), окончил среднюю школу в Итикаве, устроился на работу в небольшую токийскую типографию, но через три года уволился и полностью посвятил себя «очевидцам». Поначалу печатал религиозные брошюры в штаб-квартире секты в Одаваре, ныне занимает там же руководящую должность. Пять лет назад женился на сектантке, которая родила ему двоих детей. Живет с семьей в Одаваре, снимает квартиру.

«Официальная» биография их дочери, Масами Аомамэ, обрывается в одиннадцать лет, когда девочка уходит из секты. А люди, которые отрекаются от веры, «очевидцев» не интересуют. Для сектантов Масами Аомамэ умерла в одиннадцать. После этого никаких записей о ней не велось, и никто не знает, жива ли она вообще.

«Придется поговорить с ее родителями или братом, – решил Усикава. – Может, что-нибудь выведаю хотя бы у них?» Но, окинув взглядом груды документов перед собой, тут же

усомнился в том, что этих людей будет легко расколоть. Члены семьи Аомамэ (насколько показалось Усикаве) – узколобые аскеты, которые свято верят: чем сильнее они будут ограничивать себя в *этом* мире, тем скорее приблизятся к Царству Небесному. Для них отрехшийся от веры, – каким бы близким он ни был, – ступил на путь греха и позора. И сегодня наверняка никто уже не считает Аомамэ ни дочерью, ни сестрой.

Так, может, саму Аомамэ истязали в детстве?

Кто знает. Если да – вряд ли ее родители считали это насилием. Усикава слышал, что «очевидцы» держат детей в черном теле и часто их наказывают. Если подобное случалось с Аомамэ, может, детская травма и привела ее к нынешнему убийству? Конечно, такое не исключается. И все-таки это очень смелое предположение. Спланировать убийство человека непросто. Опасно для жизни – и крайне вредно для психики. Если поймают, можешь оказаться на виселице¹⁶. И чтобы смириться с таким финалом заранее, нужна очень веская мотивация.

Листая бумаги, Усикава присматривался к детству Масами Аомамэ. Едва научившись ходить, она сопровождала мать в нескончаемых миссионерских походах. Вместе они стучали в чужие двери, вручали брошюры, рассказывали о надвигающемся Конце Времен и призывали принять их веру. Ибо только Секта поможет пережить Апокалипсис, после которого «очевидцы» непременно попадут в Рай. Подобные визитеры не раз заявлялись и к Усикаве. Как правило, женщины средних лет в шляпках или с зонтиками от солнца. Нередко в очках, через которые глядели на собеседника взглядом ученой рыбы. Иногда они приводили с собой детей. Усикава невольно представил лицо маленькой Аомамэ перед дверью своей квартиры.

В детский сад она не ходила. В школе проучилась до пятого класса, а затем покинула секту по неизвестной причине, которая «очевидцами» не зафиксирована. Отдавшийся дьяволу да с ним и останется. На заблудших некогда отвлекаться, ведь мы рассказываем людям о рае – и о том, как туда попасть. Богу богово, дьяволу дьяволово. Пусть каждый занимается своей работой.

И тут вдруг его пронзило. Словно кто-то постучался в голову, как в фанерную дверь, позвал: «Господин Усикава! Господин Усикава...» Он закрыл глаза и прислушался. Голос слабый, однако настойчивый. Что-то я пропустил, понял Усикава. Чертовы документы содержат то, чего я до сих пор не заметил. А голос велит, чтобы я это откопал...

Он еще раз перелистал бумаги – с начала и до конца. Не столько вчитываясь, сколько пытаясь представить информацию в виде сцен и картинок. Вот трехлетняя Аомамэ сопровождает мать в миссионерском походе. Как обычно, их грубо гонят с порога. Вот Аомамэ поступает в школу. А миссионерские походы продолжаются. Каждые выходные. На друзей нет времени. Да что там время – подружиться с кем-либо просто невозможно. В школе ее постоянно дразнят и поднимают на смех. Об этом Усикава знал из книг о жизни сектантов. И вот в одиннадцать лет Аомамэ отрекается от веры. Решение это наверняка далось ей нелегко, ведь ей привили веру с рождения. Вместе с верой девочка росла. Вера вошла в ее плоть и кровь. Веру не сбросишь, как сбрасывают одежду, чтобы облачиться во что-нибудь другое. Стоит ли говорить о космическом одиночестве, на которое она обрекла себя в родном доме. В *таком* доме. Ведь для ее родителей отречься от веры – все равно что отречься от семьи.

Что же тогда случилось с Аомамэ? Что заставило ее решиться на это?

«Муниципальная школа N. Город Итикава, префектура Тиба», – подумал Усикава. И произнес это вслух.

– Вот где что-то случилось. Именно там... – Он сглотнул, задержав дыхание. – Где-то я уже слышал об этой школе.

¹⁶ Смертная казнь в Японии традиционно осуществляется через повешение. За необходимость ее применения выступает около 80 % современных японцев.

Но где? С префектурой Тиба Усикаву ничто не связывало. Родился он в городе Урава префектуры Сайтама, затем переехал учиться в Токио – и с тех пор, не считая редких выездов в Канагаву, жил в одном из двадцати трех административных округов столицы. В Тибе практически не бывал. Лишь однажды приезжал на пляж Фуцу искупаться. Откуда же в его памяти осталось название школы в Итикаве?

Вспоминалось с трудом. Потирая ладонью сплюснутую голову, он пытался сосредоточиться. Об этой школе он слышал недавно. Совсем недавно. Префектура Тиба... Город Итикава... начальная школа. И наконец он нащупал то, что искал.

«Тэнго Кавана! – всплыло в голове. – Он тоже родился в Итикаве. И наверняка ходил в местную муниципальную школу».

Усикава снял с полки досье Тэнго Каваны – материал, собранный несколько месяцев назад по заказу «Авангарда». И попробовал отыскать, где же Тэнго учился. Корявый палец отыскал название школы. Так и есть: Масами Аомамэ ходила в ту же муниципальную школу, что и Тэнго Кавана! Более того – они были ровесниками. Учились ли оба в одном классе? Это нужно проверить. Но вероятность того, что они знакомы, резко возрастает.

Усикава достал из пачки сигарету, прикурил. Вот теперь все начинает увязываться. Между разными точками намечаются линии. Что за рисунок выйдет в итоге – пока неясно. Но скоро должен проступить силуэт.

«Ну что, госпожа Аомамэ! Вы слышите мои шаги? Наверно, не слышите. Я двигаюсь тихо. Но приближаюсь шаг за шагом. Я безмозглая черепаха, которая только и знает, что ползти вперед. Но уже очень скоро я увижу спину убежавшего зайца. Ожидайте меня с нетерпением».

Усикава откинулся на спинку кресла, запрокинул голову и медленно выпустил в потолок струйку дыма.

Глава 8

АОМАМЭ

Просто отличная дверь

Две недели подряд в дверь никто не звонил – если не считать молчаливых курьеров, приходивших по вторникам после обеда. Станный тип, назвавшийся сборщиком взносов из «Эн-эйч-кей», пообещал непременно вернуться. И, судя по голосу, действительно намеревался это сделать. По крайней мере, так показалось Аомамэ. Но с тех пор он так и не появился. Видимо, очень занят на остальных маршрутах.

День за днем протекали размеренно и спокойно. Ничего не случилось, никто не приходил, телефон молчал. Безопасности ради Тамару сократил число звонков до минимума. Аомамэ, как обычно, жила с задернутыми шторами – тихо и незаметно. Даже на тренажере старалась заниматься бесшумно. Каждый день мыла пол, не спеша готовила еду. Смотрела видео с уроками испанского (по ее просьбе Тамару прислал кассету), старательно повторяя каждую фразу вслух. Если долго не разговаривать, мышцы рта атрофируются, их нужно разминать осознанно. Изучение иностранного языка оптимально для такой тренировки. Ее давно влекла романтика Южной Америки. Будь у нее свобода выбора – поселилась бы в какой-нибудь маленькой южно-американской стране. Например, в Коста-Рике. Снимала бы небольшую виллу на берегу, купалась в море да читала книжки. Если не шиковать, наличных из сумки хватило бы лет на десять. Да и те, кто ее преследует, вряд ли когда-либо доберутся до Коста-Рики.

Занимаясь испанским, Аомамэ представляла свою мирную жизнь на морском берегу. Нашлось бы в такой жизни место и для Тэнго? Она закрывала глаза и воображала, как они вдвоем загорают на пляже Карибского моря. Она – в узеньком черном бикини и темных очках – сжимает руку лежащего рядом Тэнго. Но почему-то в этой картинке ничто не трогало душу. Все равно что рекламный плакат какой-нибудь туристической фирмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.